

КОНСТАНТИН ГАНИН

18+

ДВАЖДЫ РОЖДЁННЫЕ

РОМАН-ФАНТАЗИЯ

Константин Ганин
Дважды рождённые

«Издательские решения»

Ганин К. М.

Дважды рождённые / К. М. Ганин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557770-2

Герой книги — молодой мужчина по имени Игорь — наслаждается жизнью в городе мечты. Его окружают замечательные друзья, абсолютный комфорт, интересная и неустойчивая работа. Единственным неудобством является пожизненное заточение в теле собственной машины — в Шелле. Совершенно случайно в судьбу героя входит необычный персонаж, который путает устоявшиеся ценности. Благодаря ему Игорь понимает, что не может быть счастливым, оставаясь в идеальном мире.

ISBN 978-5-00-557770-2

© Ганин К. М.
© Издательские решения

Содержание

«В шкуре зверя»	6
Глава 1	7
Присказка	7
Среди друзей	8
Первый урок	10
Рекламный столб	13
Разум	15
Возвращение	18
Глава 2	22
«Реалька»	22
Ярина	24
Скат	26
Глава 3	30
На полу	30
Утро	31
В кафе	33
Саша	35
Единственный город	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дважды рождённые

Константин Михайлович Ганин

*Посвящается Мечте и Истине.
Мечте – просто за то, что она есть.
Истине – за её снисходительность к тем фантазиям, которые
порождаются Мечтой*

Константин Михайлович Ганин *Иллюстратор*
Константин Михайлович Ганин *Дизайнер обложки*
Наталья Михайловна Ермолаева *Редактор*
Елизавета Александровна Баркар *Редактор*
© Константин Михайлович Ганин, 2022
© Константин Михайлович Ганин, иллюстрации, 2022
© Константин Михайлович Ганин, дизайн обложки, 2022
ISBN 978-5-0055-7770-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«В шкуре зверя»

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Глава 1

*Я верю в сказку, если там добро,
И снам, которым сбывться шанс на сотню.
Приму от Бога, если мне дано,
Мечту, в которой жизнь свою исполню.
Я ложь прощу, когда она пьянит.
Я плакать счастлив, если без печали.
И на утёсе, где чудесный вид,
Взойду травкою, чтоб ветра качали.
Я променяю быль на чудеса.
Пусть будет смех, и боль, и тихий трепет.
И пусть мне скажут чьи-то голоса,
Что жизнь есть чудо. А душа поверит.*

Присказка

Как там сказки начинаются? В тридесятом царстве, в тридевятиом государстве, в года дивные, от нас далёкие, затерянный в лесах и опутанный реками стоял великий Город. Он утопал в зелени и тишине. Не было в этом чудесном Городе пыли и шумных дорог. Не было вечно спешащей толпы и очередей. Не былостроек и реконструкций. Одним словом, не было там ничего, что могло бы отвлечь его жителей от тихой умиротворяющей радости. Ну, разве что потехи да забавы.

Когда-то давным-давно носил этот Город своё громкое и гордое имя. То имя манило и отпугивало. Веками державно царило на просторах огромной и сильной страны. Оно было слишком сильным и слишком древним, чтобы быть забытым через каких-то сто лет после того, как люди перестали беспокоить космические дали своими набегами. И наконец-то решили заняться земными делами в собственном прекрасном и уютном мире. Которого с лихвой хватало и на чудеса, и на открытия недолгой человеческой жизни. Имя великого Города ещё иногда вспоминалось его жителями, но очень и очень редко. Как такое вообще могло случиться? Случилось. Хотя верится, конечно, с трудом.

Сейчас же давайте окунёмся в тот мир, который будет нас окружать дальше в этом повествовании. Ну, если, конечно, нам не наскучит жить в сказке. Если мы не решим улизнуть из неё в наш серый и суеющийся мирок.

Город действительно сказочно преобразился. Он цвёл тихим уютным садом весной, благоухал зеленью и тишиной просторных садов и парков летом, пропитывался щемящим душу дождём и плаксивым буро-жёлтым увяданием осенью. Зимой Город сиял кристаллами бело-снежной скатерти и разноцветными огоньками. И как бы вы не искали, в какие бы закоулки и улочки не заглядывали, вы ни за что и никогда не нашли бы в нём ни одного человечка. Но зато какое изобилие чудного зверья! Всевозможного. Похожего на кошек и медведей. О-о, вы бы смогли оценить это. Уж поверьте. Я думаю, что сначала вас смутил бы вид гигантских тигров, львов и косолапых. Но их грация, их пластика, их мимика и та неспешность, с которой они двигались по просторным улицам этого чудесного Города, вас наверняка заставили бы замереть. Разинуть рот и наслаждаться этим величественным и сказочным зрелищем. А понаблюдать за их играми друг с другом? А послушать их разговоры? А посмотреть, как барсы против тигров гоняют в футбол? Поверьте, это стоило того, чтобы увидеть.

Ну конечно, как и в любом другом городе, есть там места, куда не водят туристов. Но зачем нам это в сказке? Пожалуй, даже вспоминать о них больше не буду.

Стоп. Наверное, всё-таки и не так надо начинать сказки. Тяжеловато мне с лёту да без привычки. Давайте я ещё раз попробую.

В одном царстве, в неведомом государстве, во времена неизвестные жил да поживал добрый молодец Игорь. Был он уже большенький. В сказках точного счёта годам обычно не ведётся, но несколько десятков зим наш герой уже отдал судьбе. Это уж будьте уверены. Но кто же судит людей по годам? Да ещё в сказке? Вот и нам не стоит. Был наш герой недурён телом и лицом ярком. До поры до времени истреблял время, ему отведённое, на глупые фантазии да игрища. Но давно то было. Мы с вами застали его уже немного повзрослевшим и даже чуть-чуть поскучевшим. Подуставшим от молодецких забав.

Жил Игорь не один. Впрочем, как и остальные горожане. Был наш герой крепко-накрепко связан со своей необычной машиной. Да-да, у всех людей его времени с десяти лет уже была своя персональная машина. Да какая машина! Без руля и колёс, без лобового стекла и дверей – гибкий и сильный кот, отдалённо напоминающий снежного барса. Снаружи этот кот был покрыт полимерной шерстью серебристого цвета, а внутри обустроен так, чтобы житель его ни в чём нужды не чаял. Что-то среднее между крохотной комнаткой и каютой космического корабля. Ростом этот зверюга никак не укладывался в пару человеческих. Большая была машина. Нашему герою не приходилось стучаться головой о потолок или сутулиться.

Непросто будет описать все хитрости и тонкости, заложенные в железного зверя. Скажу только, что как залез Игорь туда в десять лет, так и не вылезал. Нужды не было. Да, в общем-то, все так жили. Ах да. Чуть не забыл. Машины эти звались Шеллами. Непонятное, конечно, имя. Да что ж – не нами названо, не нам и осуждать.

А сейчас... Что же там было сейчас? Ах да. Сейчас погода стояла распрекрасная. Поднимающееся солнце рябило траву под деревьями в старом парке. На этой серебрящейся от ещё не сошедшей росы траве разлеглись с полдюжины разноцветных и разномастных зверей-машин. Таких же, как у нашего героя по сути, но различных по цвету и формам. Признаться вам, чудесное это было зрелище. Не то пикник, не то картинка из мира животных. Шеллы и выглядели, и вели себя очень необычно. С четырьмя лапами и милыми лицами – полузвериными, получеловеческими, они шутили и толкали друг друга, задирались и ласкались. В общем, не понять – то ли звери, то ли люди.

Наблюдатель, далёкий от мира, в котором жил Город, окажись он здесь, едва ли смог бы распознать в грациозных движениях и выразительной мимике хоть что-то механическое. Пожалуй, даже сошёл бы с ума от такой невообразимой путаницы. Только приглядевшись внимательно и уловив трансформации, не характерные для рядового дикого животного, он смог бы заподозрить участие человека в процессе их создания. Однако надо было бы очень и очень приглядеться, чтобы уловить тот момент, когда звериная лапа с мягкими подушками без когтей вдруг развернётся в человеческую кисть с изящными пальчиками. А потом сорвёт этими пальцами крохотный цветок, чтобы преподнести его собеседнице. Такой же забавной и громадной зверушке.

Что уж там говорить, чудесные и чудные создания отдыхали на той полянке, с которой мы и начнём нашу правдивую сказку.

Среди друзей

Барс Игоря развалился на боку, подсунув лапу-руку под голову. Другой лапой он почёсывал загривок лежащей рядом розовой кошки. Умная машина нашего героя передавала в салон ощущения солнечного тепла, лёгкого ветерка и ласку мягкой шерсти под ладонью его железного зверя.

– Игорёк, пузико почечи, – попросила Альбинка, укрывшаяся в грациозном чудовище, таком же розовом внутри, как и снаружи. Канал связи, по которому они общались, был отключен от остальных. Молодая женщина не скрывала от друга удовольствия. Она лениво и блаженно шурилась в голографический терминал, который расплывался полусферой над кроватью-креслом машины и, казалось, начинался прямо от глаз.

– Алька, тебе изначально надо было кошкой родиться, – засмеялся Игорь. С некоторой опаской он разместил свою лапу на животе розового зверя.

– У тебя допоздна учёба? – спросила подруга.

– Слушай, а я и не знаю. Первый раз сегодня. Как пойдёт.

– Вот ты влез в неё. Не живётся тебе спокойно, академик.

– Ну, так получилось, – закрылся от темы Игорь. – Да что ты-то переживаешь? Пузико некому гладить?

– Это ты переживай, студент. Меня кто-нибудь другой погладить может, – ответила Альбинка и сделала обиженное лицо.

Она скинула лапу Игоря и включила режим общей связи. Тут же появились голограммы других участников паркового безделья. После утомительного сна лица выглядели помято.

– Валя, – позвала одного из них Алька, – погладь меня?

Клетчатый лев Вали от столь неожиданного предложения вскочил на лапы. Сделал стойку в сторону молодой пары. Лицо парня на экране отражало смятение и смущение. «Вот ведь знает, кого просить. Эх и хитрая, – усмехнулся про себя Игорь. Он перекатился на другой бок, демонстративно отвернувшись от Альбины и остальных ребят. – Валя бы не только погладил, он и шёрстку бы вылизал. Да ещё и промурлыкал бы что-нибудь поэтическое. Только всё это пустое. Стеснительный – не решится. Если бы Стаса попросила – это был бы выпад. Тогда мне бы пришлось стойку делать». Впрочем, особо наш герой не переживал. Их отношения с Альбинкой казались настолько устоявшимися и простыми, что понять их было крайне сложно. Его подруга, любимая в компании за озорную непринуждённость, всегда шутила смело и не обидно. И так же не обидно и легко отвергала ухаживания каждого, кроме Игоря. У девушки было простоватое открытое лицо, от кончика носа усыпанное рыжими веснушками. Огненно-рыжие волосы она оставляла ровно такой длины, чтобы они не распались на отдельные кудряшки, а волнами стекали от лица на подголовник кресла, на плечи. Девушка не считала себя красивой, но без внимания не оставалась.

– Стас, – позвала Альбина, словно бы прочитав опасения друга, – меня Игорь на пару часов одну бросает. У тебя какие планы?

– Через сколько, Аль? – не замешкался Стас.

– Через сколько, Игорь? – продублировала Алька запрос к первоисточнику. Впрочем, наш герой и без того всё слышал.

Урок начинался через минуту. А значит, сейчас в его Шелле должны были бы вырубиться внешние датчики и каналы связи. Да, пожалуй, было только два состояния, когда Шелл становился «бревном», неподконтрольным хозяину: в реабилитационном центре, когда хозяин оставлял его, и во время учёбы, чтобы не было соблазна отвлекаться от занятий. Обычные занятия происходили одновременно у всех сверстников. «Брёвнами» оказывались все, и учиться никто не мешал. А вот студентам было куда как тяжелее. Сложно даже представить себе, как хитро может извернуться фантазия товарищей, понявших, что в их распоряжении есть «бревно» в виде Шелла, неуправляемого хозяином.

– Кончай, Аль. Дай спокойно позаниматься, – попросил Игорь по приватному каналу.

– Стас, – ехидным голосом выдала в эфир Альбина, – он вот-вот «нырнёт». Жду с минуты на минуту. У него лекция сегодня. Ты понимаешь, о чём я?

– Серая кошка на пару часов в нашем распоряжении? – с гоголом спросил дружище.

– У меня уже есть пару мыслей на его счёт. Если у тебя нет приличных идей на наш...

– Хоть разорвись. Я думаю, мы всё успеем, Аль, – ржал из своего Тигра Стас. – Слушай, а давай его по реке сплавим? В какую-нибудь далёкую страну. Зачем тебе умный, если я рядом?

– Нет, Стас, мне Игорёк нужен, – неожиданно и приятно заступилась за друга Альбина. – У него глазки ласковые.

– Они у него просто сонные всегда, – ухмыльнулся Стас.

– Ещё бы, столько спать, – вмешался в разговор другой их приятель Ларик. Он вздохнул, рассмеялся и тут же выпал из разговора. Противная манера, но в этом он весь.

– А то ты меньше спишь, – хохотнул Стас. – И вообще, хватит. Не трогайте Игоря, у него жизнь тяжёлая.

– Да? – очень искренне удивилась Аля.

– Точно говорю. С чего бы такая уродская морщина через весь лоб?

– Дураки вы все, – сказала Альбинка и загадочно улыбнулась. – Морщинка у него красивая. Игорёк, откуда она у тебя такая изогнутая?

– Не знаю, – флегматично произнёс наш герой. – Наверное, я ею бровь поднимаю.

– Тогда молчу, – поддержал Стас. – Таковую бровь поднять отдельная мышца нужна.

– Да ну вас, – незло огрызнулся Игорь. – Есть у Шелла функция такая полезная, сейчас покажу.

Он выключил звук терминала. Голоса его приятелей заменились тихой и ненавязчивой музыкой. Это было приятнее, чем слушать их рассуждения о его внешности.

Вот уже полтора века, как звероподобные машины Шеллы стали обязательными для любого человека с десяти лет. Сеть твердила об удобстве, защищённости, безопасности, борьбе с вирусами и солнечной активностью. Оно так и было на самом деле. Четвероногая машина стала всем: и домом, и работой, и местом отдыха. Уж точно лучше, чем мотаться по городу на трёх транспортах. Где тебе надо, там и уснул, когда надо – в сеть влез, а нужно поработать – повернулся на бочок и спи, пока не доставит до места. Если вообще куда-то идти придётся. Сказка! Агрегат был красив, грациозен, неплохо защищён от внешнего мира и нападков другой такой же машины. Наездник через месяц адаптации чувствовал себя в ней «как в своей шкуре». Мог бегать, прыгать, работать. А вот вероятность резкого столкновения была исключена, как и возможность выхода хозяина из Шеллы. Ну, почти исключена, да не совсем. Имелись специальные здания – их называли центры реабилитации – «реальки». В их шлюзе защитная блокировка с дверей снималась, и вот она – свобода. Можно гулять по просторному залу, прыгать, орать, просто валяться на белом полу. Для того и делалось, чтобы при необходимости пространство вокруг себя почувствовать. Игорь был там всего один раз. Тоскливый белый каземат, в котором он, в чём мать родила, гулял минут пять в одиночестве, ощущая пушистый пластик пола под ногами и беззащитность. Давно это было.

Сейчас же Игорь с нетерпением ждал лекцию, поэтому старался не реагировать на выпады друзей. Глаза Барса закрылись, отключилась подсветка салона. Перед тем, как Шелл установил динамическую гравитацию и перешёл в режим голографического погружения, Игорь почувствовал, как тело его кота схватили за задние лапы и куда-то потащили. «Вот гады», – подумал наш герой.

Затем отключились и тактильные сенсоры. Ученик провалился в образовательный процесс.

Первый урок

Картина, представшая в первые секунды лекции, не внушала оптимизма. Персонаж, которого Игорь с ходу окрестил «Профессор», был мультяшным. Если точнее – нарисованным на сером фоне скучным типом в чёрном костюме. Рисунок изображал учителя человечком со взъерошенными волосами. В остальном же он был подчёркнуто правильным. Ничего лишнего.

Но всё, что полагается профессору, при нём. Чего ещё можно ожидать от персонажа, преподающего историю средних веков?

Обстановка аудитории была в том же стиле – плоский рисунок в серых тонах. Довольно скучный. Светлые стены, тёмные прямоугольники школьной доски и профессорского стола, заваленного разным хламом.

Профессор явно выжидал. Он разглядывал несуществующий потолок и несуществующий пол, скоблил корявую доску за своей спиной, брал указку, клал её обратно. Он вытирал испачканные руки о полы мультяшного пиджака, оставляя на нём белые пятна. И жутко при всём этом кряхтел.

Тем временем чудной прибор на профессорском рабочем столе, такой же корявый, как и всё остальное – то ли таймер, то ли метроном включился и начал отсчёт. Он тикал, ужасюще размахивая маятником-стрелкой, каждым тактом создавал пронзительный звук, который нарастал по частоте, оставаясь гундосо-звонящим. Ай, хитрец. Расчёт явно был на то, чтобы разбудить собравшуюся в аудитории группу бездельников и сонь. И ведь сработало. Звук метронома стал совершенно невыносимым, когда без какого-либо перехода два последних удара пробили в уютных бархатных тонах и создали-таки приятную атмосферу. Ничего не скажешь, не дураками придумано было. Типа: подняли, по щекам похлопали, а затем мягкий толчок в зад. Не хватало только нежного женственного голоса: «Ступай, мой маленький. Тебя ждёт много нового сегодня».

Женского голоса не было, но мягкий уверенный мужской, совершенно не соответствующий кряхтящему типу, был. И он был гармоничным продолжением последних ударов таймера, хотя начал резко и без предисловия.

– Зовут меня Островагант Илсагионович Экко. Знаю, звучит не просто, поэтому обращаться можно без фамилии. Только по имени-отчеству. Кто не запомнил? Могу повторить. Есть те, кто не понял?

– Повторите, пожалуйста, – попросил Игорь и почувствовал, что его просьба дальше Шелла не ушла.

– Ну и хорошо. Раз всем понятно, тогда начнём нашу лекцию, – Профессор завис на последнем слове, копошась в куче бумаг на столе. Наконец он извлёк тот лист, который, по-видимому, и искал. Поправив очки, криво висящие на носу, начал читать.

– Тема нашего первого занятия: «Разум», – произнёс Профессор. По его интонации было сложно понять, вопрос это или утверждение. Тем не менее он осилил вступление и замер в горделивой позе. Обозрел мир вокруг себя, как бы ожидая возражений от аудитории. Не дождавсь, вернул взгляд на лист. дочитал текст про себя и засунул бумажку обратно в середину кучи. Решив очевидно, что дальше справится и так. – В средние века своего существования человек изобрёл Разум. Некоторым из вас может показаться странным сам факт изобретения Разума. Я же не смогу предоставить вам на протяжении всего курса ни единого доказательства тому, что преподам здесь и далее. Поэтому разрешаю относиться ко всему как к приятной небылице. Да и сам я не откажусь от роли сказочника. Во всяком случае, это избавит меня от необходимости умничать и пытаться доказать то, что покажется бредом как на первый взгляд, так и на все остальные взгляды.

Выкинув в эфир эту целиковую и, несомненно, гениальную реплику, рисованный образ Профессора вспух и приобрёл объём. Затем он потёк в цветных переливах, залоснился и размазался в пластилиновую кашу. Новая субстанция существовала недолго. Она снова выровнялась по форме и цвету. Приняла чёткое очертание, из педантичного Профессора создав Клоуна. Клоун покривлялся несколько секунд, а затем снова потёк, заняв какую-то среднюю позицию, провоцируя зрителя на поиск граней и различий между персонажами. Впрочем, то было напрасным занятием. Профессор не остался стабильным. И потом, на протяжении лек-

ции, так и перетекал то в одну, то в другую форму. Надо сказать, раздражало, но спать не давало.

– Приношу извинения за эти метаморфозы. Оказавшись в новом обществе, так сложно порой понять, кто ты есть, – без смущения прокомментировал собственную трансформацию Профессор-Клоун. Прекратив на какое-то время перетекать, он продолжил: – Итак, Разум, – голос его стал таким же неопределённым, как и тело. Жёстким, но с клоунско-игривыми нотками. – Изобретение Разума может показаться бредовой идеей, но... Впрочем, давайте вместе сделаем маленький экскурс в состояние человечества тех времён.

Что же увидит наш неподготовленный взгляд? А увидит он, если сможет, энергетическое тело, не заключённое в физическую оболочку. С практически безграничными, даже в представлении человека нашего времени, возможностями. Полная духовная реализация. Отсутствие пределов в пространственном перемещении и совершенно нелогичная эмоциональная жизнь, суть которой не может быть воспринята нашим сознанием, заточённым в материально-умозрительные рамки. Слабым аналогом уровня восприятия тех времён можно поставить пиковые состояния эмоциональности нашего времени. Лучшее, что удалось сблечь человечеству до сегодняшних дней, – любовь. Но, к сожалению, далеко не каждый индивидуум способен пережить её в своей материальной жизни. Причина чему банальна и проста. Непросто найти эмоционального резонатора в окружающем мире, используя тот крохотный набор чувств, который поставляется вместе с физическим телом. А уж тем более стало сложным выглядывать из-за завесы окружающих нас технологических барьеров.

Кроме любви есть ещё несколько уцелевших понятий и проявлений, такие как ужас или ненависть. Эти прижились шире. Именно ненависть. Добротная и яркая. Прошу не путать с повсеместной злобой. Признаться, я не хотел бы строить ваше восприятие эмоциональной стадии существования человечества на такой негативной и однобокой основе.

Таким образом, возьмём за базу голый факт: до определённого этапа своего существования человечество жило бестелесно и неразумно. В современном понимании этого слова. При этом не ограничивая себя в эмоциональном восприятии. Для полноты картины необходимо добавить, что окружающего мира в общедоступном представлении тоже не было. Совсем не было. Я имею в виду, что не было озёр, деревьев, травы, зверей. Да что там говорить, даже пустынного пейзажа безжизненной планеты не было.

На последней фразе образ Профессора внезапно схлопнулся и превратился в неоновую точку, зависшую в центре абсолютного мрака. Точка была пронзительно зелёного цвета и нестерпимой яркости. Она сверлила мозг примерно минуту, после чего дёрнулась и начала разрастаться. Достигнув размера теннисного мяча, точка взорвалась многоцветными пузырями. Те сталкивались, делились, скользили рядом, меняли цвета. Один из пузырей подлетел совсем близко к глазам Игоря. За переливом радужных полос на его поверхности наш герой уловил толчки, похожие на пульсацию живой ткани. Под этими толчками сфера пузыря разрасталась, ширилась. Она заполнила собой всё вокруг. Игорь ощутил, как оказался втянут в неё, подстроившись биением сердца под ритм содрогания сферы. Синхронные толчки оказались такими убаюкивающими, что сон, прятанный где-то внутри нашего героя, тихо и мягко возликовал. Он затуманил и победил сознание.

Сначала было только осязание. Игорь чувствовал себя плывущим, погружённым с головой в уютные и нежные волны чего-то тёплого, слегка маслянистого. Нежные потоки скользили по телу, успокаивая и даря наслаждение. Захотелось сжаться в комочек. Как когда-то в детстве. Поначалу наш герой сдерживал дыхание. Опасался захлебнуться в маслянистой жидкости. Но в такт дыхания пузыря пришло ощущение безопасного. Дающего покой, вызывающего доверие. Наконец, первый вздох состоялся. Игорь почувствовал, как до кончиков пальцев наполнился сверкающим теплом. Он опять задержал дыхание, страшась выпустить из себя и потерять это переливчатое блаженство. Затем пришёл второй вдох, третий, четвёртый... С каждым новым

вдохом его тело всё больше и больше теряло границы. Наш герой понял себя как часть той субстанции, которая его окружала. Он растворялся, принимал и пропускал сквозь себя волны блаженства. Зрение включилось потом. Оно не напугало и не удивило. Тёплые волны, проходящие сквозь то место, которое он осознавал своим телом, были разноцветными и переливающимися. Преобладающий зеленоватый цвет искрился нитями серебряных бусинок, пластинами золотистых слоёв, переливами. Волны, втекающие упругими толчками, возвращались подкрашенными в голубоватый оттенок. Цвет был виден на складках эмульсии, но, сглаживаясь, таял.

Иногда, прижимаясь к приятному, Игорь чувствовал, что достиг мягкой границы. Она вздрагивала и отталкивала его в плавание обратно. К центру мерцаний и течений. Наш герой потерял время. Он плыл бесконечно. Радужные переливы приносили с собой новое. Иногда Игоря захлёстывали оранжевые волны радости. Он безмолвно ликовав, усиливая пульсацию и окрашивая свой мир чуть более голубым. Несколько раз впитывал тревогу, которая заставляла прижиматься к той стороне, откуда волны шли теплее. Но остальное время был покой. Игорь научился различать цвет и сверкание. Без зрения, только осязанием своего тела. Чувствовал бодрящее щекотание серебряных бусинок, шероховатую нежность золотых струй.

Всё когда-нибудь заканчивается. Особенно сны.

Реальность вытолкнула его в бархатно-чёрный мрак виртуальной аудитории. Только неоновая точка посередине, сверлящая мозг. Таймер как и прежде набивал такт, поднимая с каждым ударом тон и ритм. Вот прозвучали два последних бархатных удара, и словно кто-то вытащил образ Профессора из неоновой кляксы, висящей в черноте. Как фокусник вытаскивает белый платок из маленького отверстия чёрной коробки. Или Клоуна? Или... как его там...?

Тишина затянулась, минута, другая. Пробудившийся мозг, тупая, начал набирать обороты, а войдя в ритм, взбунтовался. Тело, вынужденное из ласковой среды, сопротивлялось. Оно дрожало, но привыкало к вернувшейся и неуютной теперь обстановке. «Наверное, так чувствует себя рыба, выброшенная на берег», – подумалось в голове.

– Аккуратнее с мыслями, дорогие мои, аккуратнее. Мысли, они ведь и случиться могут, – пропел Профессор, разглаживая конечности и восстанавливаясь после неудачного извлечения из неоновой точки. – Ох и помяла меня жизнь в борьбе за прекрасное. Давайте-ка прервёмся на минутку.

На этих словах аудитория с Профессором пропала. Раз, и нет. Только темнота.

Рекламный столб

«Что это было? Сон? Нет, так не снится. Да нет, конечно сон. Что же ещё? Может, продвинутые Шеллы и позволяют такое, но его обычный социальный – нет. Или это возможно?».

Мозг не унимался. Мозг ускользнул с лекции и побежал назад по шкале времени. Память стала услужливо раскручивать цепочку событий, которые были причиной того, что он оказался на этой, мягко говоря, необычной лекции.

Социальная сеть. Письмо приятелю, оставшееся без ответа. Потом запоздалый отклик. С приглашением на социальный семинар в сети. Игорь вспомнил возникшее тогда чувство неловкости перед другом. Тот звал на какой-то семинар «для злобных голодранцев». Именно «для злобных голодранцев». Эти слова были в приглашении и больно корябали. «Вообще, как Павел подписался под такое обучение? Со своей-то гордостью? Или он меня тянет, а сам и не собирается? Да нет, кажется, зовёт всерьёз», – подумал тогда Игорь.

Они с Павлом дружили давно, но неотчётливо и нерегулярно. Дружили, наверное, ещё с тех пор, когда сами ползали или ходили ногами по Центру Роста. Потом уже, в здравом уме, тоже слегка дружили. Двигались вместе по социальной программе. Когда пришло время Шелл получить, вместе инструктаж проходили и вместе на полигоне падали и кувыркались в раздолбанных тренировочных машинах.

Во втором письме Игорь нашёл ссылку, присланную Павлом, с убедительным комментарием о необходимости пройти обучение по программе социальных педагогов. Затронутая гордость опять кольнула, но дружеская солидарность и любопытство победили. Зацепившись за ссылку, Игорь оказался втянутым на любопытный ресурс.

Трёхмерное пространство сайта было нафаршировано, забито рекламой: просто рекламой, рекламой рекламы, рекламой сайтов с рекламой. Реклама разлеглась необычайно вольготно: и вдоль, и поперёк, и даже в зеркальном отображении. Всё это было похоже на старый столб с объявлениями. Давно сгнивший и державшийся только за счёт толстого слоя листовок. Хотя откуда Игорю знать про такие столбы, не правда ли? «Какого чёрта он здесь нашёл?» – подумал с раздражением наш герой о друге. Свалка была никем не сдерживаемой. Сайт искренне и бесхитростно существовал за счёт рекламы. Даже не пытался притвориться чем-то содержательным. Попахивало дешёвкой.

«Не вопрос: “Зачем реклама сайту?”, вопрос: “Зачем этот сайт рекламе?”», – ехидно подумал Игорь. Он уже не надеялся найти что-то путёвое, когда снизу страницы углядел некую структуру. Раздвинув в стороны кучку этикеток, наш герой увидел ряд из пяти гранёных кнопок. На них виднелись вдавленные и затёртые надписи:

«О нас»

«График занятий»

«Условия соглашения»

«Отзывы»

«Контракт»

По строгости интерфейса можно было предположить, что изначально сайт имел вид солидный. Потом его забросили, и он оброс рекламой, как старое морское корыто ракушками.

Решив прогуляться по меню, Игорь ткнул в первую кнопку. Та покраснела, тревожно затрепетала и опрокинулась. Из неё вывалились буквы, которые, толкаясь и суетясь, в конце концов сложились в самодовольное заявление: «300 лет на рынке образования». Краткость и содержательность вдохновили нашего героя. Он с любопытством продолжил и кликнул на «График занятий». Здесь не было многословия, присущего предыдущему разделу. Всё было куда сдержанней: «Завтра в 9:00». Кнопка «Отзывы» выдала ещё меньше информации. Если говорить точнее, то там вообще ничего не было. Игорь не поверил своим глазам. Такого не бывает! Человечество довело до совершенства контроль за образованием и ложью. Ну никак не могла существовать фирма с трёхсотлетним стажем и отсутствием отзывов. По действующим законам их было запрещено удалять или править. За лживые отзывы просто отключали от сети. А что без сети? Без сети – всё! Создателю сайта можно начинать могилу рыть. Или до конца жизни бегать по расписанию в столовую за социальными пайками. Игорь ещё несколько раз настойчиво ткнул в кнопку – никакого результата. Он упорно не прекращал попыток, и кнопке это надоело. Она начала уворачиваться. Приобрела при этом возмущённо бордовый цвет. Наш герой некоторое время пытался её отловить, но кнопка оказалась хорошо подготовленной и не давалась. В результате возникшей возни упрямая визуализация спряталась за соседней. Игорь промахнулся и ввалился в раздел «Условия соглашения». Вот уж на чём автор оторвался по полной в своём писательском мастерстве. Чёткие ряды букв гласили: «Обязательное присутствие на лекциях (после подписания контракта). Предложение действительно только для самоуверенных наглецов, не имеющих материальных обязательств и связей. По окончании курса – диплом в виде татуировки на левой ягоде (по желанию слушателя). Право преподавания за пределами социальной сети».

«Да, – вырвалось у Игоря. – Это шанс».

Вот уж, таких, как они с Павлом, социально и финансово не привязанных, ещё поискать надо. Словно рождены для этого контракта: социальной Шелл, место на социальной стоянке и четыре часа социальной деятельности (чтобы не зазря хлеб есть). Ах да – сеть тоже социальная.

И альтернатива – шанс наконец-то получить диплом (правда, в сомнительном исполнении) и место для старта на правах других. Тех, у кого хоть что-то есть. Ну и что, что с задержкой на столько лет? Когда-то же надо начинать жить красиво. Вот только что означает «за пределами социальной сети»? Где это? «Будет время – разберёмся», – беспечно решил Игорь.

Что же, в подобных случаях говорят: «Клиент созрел». Контракт был краток, в стиле организаторов сайта: «Согласен?». Палец оставил потный след на считывателе отпечатка. Сбоку выплыло: «Добро пожаловать!». Мелкими буквами ниже: «Информация курса запрещена к разглашению до сдачи экзамена. Наказание за разглашение лекционных материалов – максимальное». По Шеллу разнёсся резкий мужской голос: «Завтра в 9:00. Не забудь. Напоминаний не будет».

Сутки любопытства и ожиданий. И вот оно – уснул на первой же лекции.

Разум

Вынырнув из размышлений, Игорь обнаружил, что опоздал. Тишина в аудитории испарилась, да и сама обстановка поменялась. В угольно-чёрном пространстве, в центре, сиял ножками металлический стул. Рядом, водрузив ногу на сиденье и опираясь на колено локтем, расположился мужчина в чёрном трико. Средних лет, сухопарый, с жёстким и властным лицом и лысым черепом. Вокруг него стояло семь парт. Впрочем, по большому счёту, там ничего не стояло. В отличие от вполне реальных стула и мужчины, парты были нарисованными. Причём исполнены безобразно. Так может изобразить, сильно стараясь, малолетний ребёнок. То есть совсем уж примитивно.

Над партами виднелись семь нарисованных рож. В том же стиле: точка, точка, огу-речик – появился человек. От наскального детского рисунка рожицы отличались вполне адекватной и активной мимикой. Игорь в пустоте Шелла сотворил несколько гримас и отловил соответствующую мимику на одной из рож. Идентифицировал её как собственную. Ещё немного позабавившись с рисованным лицом, он довольно хмыкнул. Подумалось, что автор этого творения совсем не бездарь. Лицо на экране здорово передавало оттенки состояния хозяйской физиономии.

В аудитории возникла тишина. Наш герой понял, что его хмыканье вторглось в спор и создало паузу. Рожи (всё-таки дальше буду называть их лицами, так как-то приятнее) повернулись в сторону Игоря. Ему пришлось выразить удивление со смущением, которые, в общем-то, соответствовали действительности. Участники удовлетворились и вернулись к беседе.

– И всё же, дорогой профессор, – заговорила парта №2. Точнее, забавное лицо над партой, украшенное тремя кучерявыми волосинками на макушке, – засовывать нас в эту мерзость было не очень хорошо с Вашей стороны. У меня до сих пор всё чешется. И помыться охота.

«Что-то я пропустил, – подумал Игорь. – Только сдаётся мне, что не я один сны разглядывал».

– Милый мой друг, – ответил Профессор парте №2. Произнёс он это голосом сказочника, который совершенно не вязался с властной внешностью, – у меня даже в мыслях не было засовывать вас в специально приготовленную «мерзость». Ведь вы именно так выразились?

Кучерявая голова за партой №2 хмуρο кивнула в подтверждение.

– Что же, признаюсь, – продолжил Профессор, обращаясь уже ко всей аудитории, – науки ради я похулиганил. Позволил сну открыть дорожку к памяти, хранящей утробные воспоминания. Эти воспоминания предшествуют эмоциональному, да-да, не физическому, а именно эмоциональному рождению одного из ваших предков, произошедшему, может быть, тысячу лет назад, может, сто тысяч – я не знаю. Не я, а вы сами нашли в себе всё то, что увидели. Хотя и не без моей помощи. Что касается конкретно вашего сна, дорогой мой, – обратился Профессор снова к кучерявому гражданину, – нет моей вины в том, что рождение вашего предка

сопровождалось событиями неприятными. Больше того, ваша реакция говорит, что предки те, скорее всего, и были источником этих событий. Мне искренне жаль, что так получилось. В противном случае обстановка бы вам понравилась. Уж будьте уверены. Можете поинтересоваться у своих товарищей. Справедливости ради, должен сказать, – продолжил Профессор, снова обращаясь к аудитории, – утробная картина – мой выбор. Давайте всё-таки не забывать, что ваш осознаваемый эмоциональный уровень – ноль. Мир глазами зародыша под защитой матери на сегодняшний день – это максимум ваших способностей к восприятию. Предлагаю вернуться к теме лекции.

Профессор сменил позу, развернув стул к себе спинкой и, облокотившись на него обеими руками, продолжил:

– Итак: «Разум», – сказал он вполголоса, глядя в пол. Клоунская интонация испарилась. Профессор посмотрел на аудиторию и заговорил густо и громко: – Человечество сквозь все стадии развития тащит груз взаимоотношений и характеров. Во все времена были, есть и будут радость и горе, доброта и жестокость, сила и слабость. Разные проявления, разный эффект, разное восприятие – суть одна.

Бестелесная сущность, обладая безграничными возможностями, сталкивалась с ситуациями, которых можно бы было избежать. Которых очень хотелось бы избежать. Так возник Разум. Волокно, сшитое из тончайших энергетических связей. Сгусток энергии, такой же бестелесный, как и сам человек. Первозданный Разум выхватывал яркие эмоции и фиксировал предшествующие им события. Чтобы запомнить дорогу к состоявшейся эмоции, сеть маршрутов упорядочивалась, сглаживалась, улучшалась, передавалась по наследству. Так родились привычки и предубеждения. Другими словами, описание безопасных и опасных маршрутов.

Если бы вы видели, как человек носился со своей памятью. Память потерянная, не имея энергетической подпитки от хозяина, разрушалась быстро. Подобрать или украсть её было невозможно. Она принадлежала и открывалась только хозяину или воспроизводилась в его потомках такой же нежной и ранимой сущностью. Хозяин оберегал её, как небывалую драгоценность. Чем она, в сущности, и была. Вы только представьте тот карточный домик, выстроенный вашими предками в десяти поколениях, который мог сдуть самый слабый ветерок. И вот именно тогда человек задумал создать машину, которая будет носить, защищать и обеспечивать энергией это сокровище. Идея принадлежала элите той эпохи. Душам развитым.

В более поздние времена существовала даже теория о триединстве человеческой сущности: Душа – Разум – Тело. И хотя это не самая неуместная теория, сопоставить её можно с чем-то вроде: женщина – сумочка – платье. Впрочем, и это триединство и мой пример устарели и отмерли в ваше время. Но суть не в этом. Суть в том, что в последнем случае сумочка и платье – лишь производные от самой женщины, её выбор и вкус.

Но я опять отвлёкся. Итак, решение о сотворении тела родилось в заботах о сохранности Разума. Изначально роль для тела отводилась незатейливая: служить носителем тонкой структуры. Не более того. Как бы там ни было, тело создали. Произвели в поразительном многообразии и в обязательной двойственности сущностей: мужской и женской. Тот, кто считает, что женщина и мужчина – это набор первичных половых признаков, глупец. Понятия существовали ещё до того, как возникли признаки. Ни я, ни кто-то другой не смог бы объяснить вам их природу, различие и единство. Но несколько особенностей очевидны. Одна из них заключается в том, что женская душа несёт в себе устоявшуюся целостность. Свойство, позволяющее из всего многообразия данностей и возможностей выбрать ту, что позволит обеспечить безопасность существования как её самой, так и потомства. Мужская же душа – полигон для освоения нового. Это собиратель и испытатель. Это сущность, подготавливающая необходимые жизненные перемены для их принятия душой женской. Эволюция мира держится на том, что мужская и женская души могут на время становиться единым целым, и результатом этого слия-

ния явятся новые души, созданные из частей душ родителей. Впрочем, бывает, когда подобное единение приводит к уничтожению одной из душ.

Да, если бы вы видели то, что происходило в мире до создания тела. Чего только стоил процесс слияния двух? Чарующее зрелище. Пожалуй, я всё-таки отклонюсь от темы и немного расскажу вам об этом.

Душа, обладающая двадцатью семью органами чувств (насколько понятие орган может быть применимо к бестелесному), выбирала свою половину из миллионов. Нити, потоки энергии сначала робко протягивались, чувствуя резонанс близкой души. Затем они соприкасались. Не сцепляясь, а только передавая свой свет, цвет и то, о чём вы даже не ведаете. Потом начался танец. Танец, который мог длиться бесконечно долго. Где в прикосновениях каждый отдавал другому себя. Жаждал поделиться собой, создать и передать блаженство. Сначала отдавалось лучшее, самое яркое, самое сокровенное. Затем связи множились, пока, наконец, уже невозможно становилось отделить одну душу от другой.

Молодые, которым посчастливилось встретиться в расцвете своей эмоциональности, перетекали друг в друга страстно, торопясь залить одариваемого нежностью и лаской. Они сливались в вихре серебряных и золотых нитей, не становясь отдельным телом, но являясь одним в слиянии. С общим биением, с перетекающими потоками лучистой энергии, с личным восприятием и личным искажением получаемого.

Танец более зрелых душ был медленнее. Чувственность преумножалась искусством. Страсть подогревалась Игрой. Даже если одна из душ оказывалась молодой и импульсивной, другая старалась одарить её энергией и делала это не спеша. Она то выбрасывала потоки нитей навстречу, то уклонялась от слияния. Таким образом, само действие являлось творением. Танцующие одаривали друг друга гораздо больше, чем страстные юнцы. Поле чувств вокруг кружения зрелых влюблённых достигало чудовищных размеров. Сила его могла увлечь находящиеся рядом души. Исполняющие любовь могли отдавать проходящим свою энергию или черпать её из них. Сливающаяся пара вовлекала в любовное кружение, оставаясь в людях и наедине. Свечение от этого танца иногда выходило в видимый спектр. Хотя упоминание в прошлом времени здесь неприемлемо. Это и сейчас случается там, где покой. Там, где нет суеты. Там, где выход энергии. На полюсах планеты. Люди поздних времён называли это северным сиянием.

Когда же, наконец, процесс слияния объединял души, могло происходить всё что угодно. Цветная бурлящая эмульсия, перетекающие потоки, невиданные формы, волны, захлёстывающие друг друга, спирали, завивающиеся в тончайшую нить и затем скручивающиеся в разноцветный клубок. Поистине, это было чудесное зрелище. Редкое, волнующее, яркое. Взаимное перетекание, наслаждение друг другом, изучение, противодействие, примирение – всё существовало в вихре этого действия.

Что уж говорить о красоте рождения новой души. Чистой души, которая всегда имела выбор: являться носителем Разума или остаться только чувством в чистом виде.

Профессор замолчал. На некоторое время в аудитории повисла тишина. Снова возник звук метронома и тут же утих.

– Они изобрели Разум, – продолжил Учитель.

В голосе его уже отчётливо зазвучала горечь. Речь стала жёстче и суше.

– Разум – продукт эмоционального существа, созданный с неприсущей ему холодной расчётливостью. Накопить и преумножить – вот та база, из которой родился Разум. То, что кто-то может счесть величайшим изобретением, я называю катастрофой. С этого момента наша эмоциональность начала деградировать. Нарастающее желание систематизировать всё и вся заставляло отрезать и выкидывать. Мелочи, многочисленные мелочи создавали шарм мироздания. Почти все они не укладывались в схему. И они удалялись, пропалывались из поколения в поколение. Во имя Разума стирались тона, оттенки, проблески, отзвуки. Это было долго. Возможно, для кого-то незаметно. Но урезание чувств – это ещё не самое страшное. Самое

страшное случилось тогда, когда Разум заявил своё желание беспредельно властвовать над тем, что его же и породило.

И было бы невыносимо больно, если бы все души пошли по пути служения Разуму. Но имею удовольствие сказать, что поклонников Разума в большом мире оказалось не так уж и много. Однако, как бы ни было это печально, всяк живущий на нашей земле потомок этих немногих.

Картинка резко, безо всяких переходов, поменялась на вариант, с которого началась лекция: серый фон, доска, растрёпанный Профессор. Персонаж суетливо сгрёб со стола кучу бумаг, буркнул что-то прощальное себе под нос. И исчез. Вместе с доской и серым фоном.

Возвращение

Выброшенный из лекции, Игорь некоторое время лежал, перебирал услышанное, вспоминал сон. День катился к вечеру. Тени на экране стали длинными. Автоматика начала подогреть воздух, чтобы не тревожить хозяина вечерней прохладой. Игорь совершенно забыл про козни, которые строились против него друзьями перед уходом на лекцию. Обстановка вокруг Шеллы не изменилась. Напротив того места, где он очнулся, – на площадке рядом с парком, ребята начали готовиться к футболу. Перенастраивали Шеллы, ставили защиту.

Пацаны обычно гоняли в футбол на переднем приводе. Девчонки развлекались по-разному. То ли они гибче, то ли смышлёней. Доработка Шеллов на передний привод была из последних. До этого все играли на заднем. Понятно же – вставляй ноги в ноги и бегай. У переднего всё наоборот – ножки в лапки не вставишь. Пришлось конструкцию серьёзно дорабатывать. Впрочем, говорят, что раньше и заднего не было. Шеллы переделали, когда народ начал страдать от ожирения. Перестали спасать даже встроенные тренажёрные комплексы и регулировка по гравитации. Зато, когда это произошло, стадионы и площадки опять ожили. Отстроились, стали расширяться. Народ снова увлёкся футболом. В выходные не пробиться. Правила игры, конечно, пришлось поменять. И площадку значительно увеличить. Но зрелище, я вам скажу, то ещё. Хотя, смотря с чем сравнивать. Игорь слышал про другие игры, которые устраивались для закрытых клубов. Поверить в происходящее там было очень непросто. Без серьёзного нарушения систем безопасности делать то, что там вытворяли, было просто невозможно.

Засмотревшись на молодёжь, Игорь совсем забыл и про сон, и про подругу. Он даже вздрогнул, когда через него перелетело длинное розовое тело. Кошка загородила собой вид на футбольную площадку, потом упала и вытянулась рядом. «Только хвоста не хватает», – подумал наш герой. С приходом подруги лишние мысли улетучились. Выходка показалась ему необычной, Альбинка обычно не раздражала бесцеремонностью. По правде, она была объективно адекватной. Чётко чувствовала и грань личного пространства другого человека, и возможность пересечь её в конкретное время и в конкретном месте. Этот критерий во внутреннем рейтинге нашего героя занимал особое место. Друзья, подруги могли в любой момент ворваться, начать «звенеть в уши», внимания требовать. Альбинка же – спокойная. За всё время знакомства ни одного всплеска. Неделю не появляешься – даже не спросит, где да что. «А может, она вообще не совсем женщина? Институты работают...» – посетила Игоря дурная мысль. Он даже голову приподнял и посмотрел на подругу. Та приветливо помахала рукой. «Да нет. Всё в порядке. Была бы нужда эффекты лепить. Он же не подпольный миллионер, ради которого так стараться надо. Да и Шелл – розовый. Какое ещё нужно доказательство?».

Они лежали рядом и разговаривали. Время текло, небо темнело. Игра на поле закончилась. Шеллы замерли, пацаны в эфире делились впечатлениями. Неподвижно стоящие машины как никогда выглядели безжизненными железками.

Игорь пощекотал рукой живот Пантеры. Альбинка засмеялась – Шелл передал ласку.
– Как там наше пузико? Берегла для меня?

- Перебьёшься.
- Я же ревновать буду, – пригрозил Игорь. – Беспокойным стану, нервным.
- Студентам положено быть беспокойными.
- Ну и ладно, всё равно осень скоро.
- И что? – Альбинка отодвинула его руку, перекадилась на живот и скосила видеокамеры.
- Осенью розовое вульгарно смотрится. Теряется на общем фоне. Придётся что-то другое

искать.

Кошка сжалась в пружину, но прыгать не стала. Смысл? Шелл всё равно не допустит резкого столкновения. Потом девушка расслабилась и потянулась всем телом внутри машины.

– Вообще-то розовая Пантера смотрится куда лучше, чем зелёный Барс, – промурлыкала она.

– Что, опять тупая шутка с болотом?

– Нет, не тупая. Весёлая, – засмеялась Аля. – Знаешь, Игорёк, если из своего ненаглядного сделать бревно, то на нём можно достаточно долго и комфортно плыть. На тебе так удобно было, пушистый ты мой.

– С утра было предчувствие, что сегодняшняя наша встреча последняя. Что-то поднадоел мне розовый цвет, – произнёс Игорь. Он прищурил глаз и вздёрнул бровь.

– Точно, – засмеялась девушка. – Ты ею бровь поднимаешь. Слушай, Игорёк, а ты не хочешь в «реальку» сходить? Скинуть шкурку, прогуляться? – вернувшись в начатую игру, Альбина припустила в голос коварство и угрозу.

– Не-а. Я теперь из Шелла при тебе не вылезу. Обдерёшь своими новыми когтями, – поддержал шутку Игорь.

Они оба понимали изначальную невозможность подобной ситуации. Мечтать можно бесконечно, но «реалька», то есть реабилитационный центр, ни за что не допустит одновременного присутствия двух людей в одном секторе.

– Как знаешь. Могло и по-другому повернуться, – вздохнула Альбинка с напускной печалью. – Куда пойдём тогда? На прощальную прогулку? – она словно случайно отдала ему полный кадр из брюха машины. Так, чтобы он видел её целиком. Стройную, изящную, вытянувшуюся в кресле. Игорь не удержался и пощекотал живот Шелла. Альбинка прыснула и согнулась, укрываясь руками.

– Кот, щекотун, – засмеялась она. – Пойдём на берег?

– Да ну его. Там сейчас все геймеры города собрались, своих чаек гоняют.

– Так темно же уже.

– Когда им темнота мешала?

– Ну да. В лес?

И они пошли в лес. На самом деле это была парковая территория, покрытая старыми липами, дубами и потайными забавными фонариками. Там всегда было приятно дышать. Автоматика позволяла отключать фильтры, и машина наполнялась свежестью и лесными запахами. Игорь не раз ловил себя на желании оказаться за пределами Шелла именно здесь. Не через посредника, а самому почувствовать прохладу и колкость хвойного ковра.

Они с Альбинкой долго шли молча. Фонари, разбросанные по лесу, при их приближении включались. Приглушённо подсвечивали дорожку. Игорь обошёл росток молодого дерева и, оказавшись на некотором расстоянии от спутницы, посмотрел в её сторону. Он не мог не залюбоваться ею. Механическая игрушка была так естественно грациозна.

– Аль, а тебе какие сны снятся? – спросил он.

– Разные, – после паузы ответила подруга. Она посмотрела на него сквозь монитор. Затем продолжила: – Иногда красивые. Мама снилась недавно.

Девушка была необычайно счастливой: родители до сих пор были близки ей и близки друг другу. Она не рассказывала много, но их присутствие в её жизни было так естественно,

что вот они «есть и есть». Словно так и должно быть. Игорь иногда завидовал ей. Как это? Что она чувствует? Он этого не представлял.

– А мне сегодня сон классный снился, – произнёс он. – Как будто я младенец в утробе матери. Моя бы воля – не просыпался бы. Жалко, что нельзя сны записывать и с тобой смотреть.

Игорь понимал, что рассказать сон в красках не получится, а поделиться очень хотелось.

– И долго бы не просыпался? – спросила Алька. По сбивающемуся дыханию подруги Игорь понял, что та уже давно не лежит в кресле. Отрабатывает прогулку. Да ещё похоже и под нагрузкой – какую-то часть Шелла на себе тащит.

– Не знаю, – ответил Игорь. Рассказывать расхотелось. – Думаю, долго. Классный был сон.

Лапы Шелла пружинно ступали мягкой подошвой по податливой земле.

– Аль, а ты знаешь, что такое «душа»?

– Ну. Да кто же этого не знает? – усмехнулась Альбина.

– Да нет, я не про это, – с лёгким раздражением ответил Игорь, – я про настоящую.

«Пустить в душу» было устоявшимся выражением. Означало оно включение панорамной картинки с видеокamer изнутри Шелла. Это было интимным действием. Исключительно для друзей и близких. Остальным приходилось довольствоваться портретом или интерпретацией внешней мимики на морде зверя.

– Игорь, ты про что сейчас?

Кажется, подругу задел и обеспокоил его тон. Сам вопрос в его сути перестал быть значимым.

Неожиданно из-под ноги железного зверя выпорхнула птица. Игорь остановился и передумал идти дальше. Он дождался ответной реакции розовой кошки и, когда та замерла, попросил:

– Альбин, пойдём по базам? Устал я сегодня.

– Игорёк, что-то не так?

– Да нет, всё в порядке. Устал просто.

Игорь действительно чувствовал усталость. Как никогда захотелось выйти из машины и остаться одному. Только с собой. Без камер, без кресла, без возможности включить монитор и течь в потоке информации. До центра реабилитации было не так уж и далеко. Час, полтора. Но уходить из леса не хотелось. Игорь успокоил себя обещанием подарить себе удовольствие завтра и вернулся к воспоминаниям о сне.

Воспоминания захватывали. Он не мог себе объяснить их притягательности. Ему не доводилось ощущать себя настолько спокойно и счастливо, как в том сне. Наш герой до этого никогда не осознавал себя частью чего-то большего. Чего-то необъяснимого и естественного, неизвестного и родного. В нём бродила надежда, что сон повторится. И хотя понятие «дом» давно стало абстрактным и означало ближайшую парковку с зарядкой (в его случае социальную), сегодня Игорю хотелось именно «домой». На маленькую непопулярную парковку в холме. Альбинка не любила это место. Там было слишком тихо и связь постоянно сбивалась. Сегодня это было на руку.

Сон – блаженное отчуждение от тела, от забот разума. Падение в забвение, подаренное человечеству свыше. Игорь зарылся кошачьим телом в сухую листву, отключил фильтры и, вдыхая аромат леса, звал сон. А когда тот пришёл, отдался ему с радостью и надеждой.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 2

Глава 2

*В любовь играл как в партию игру,
Творил сюжет – поток импровизаций.
Чудес не ждал, во взглядах не тонул
И не спешил за чувства расписаться.
Так жизнь текла размеренной рекой,
В ней редкий всплеск казался мне экстримом.
Какого чёрта встретился с Тобой?
Сию теперь сопливым Арлекином.
Зачем мне боль, идущая извне?
Кто дверь открыл? Кто дал нам шанс на встречу?
Что я несу? О боги, плохо мне!
Я жив иль сдох? Тобой за всех отвечу.*

«Реалька»

Белые стены без углов, белое ворсистое покрытие пола и высокий, чуть голубоватый потолок. Безукоризненное освещение, не создающее теней. И запах пустоты. Один из многих залов одного из десяти зданий реабилитационного центра. «Реалька». Игорь вошёл туда из полутёмного шлюза. Там, в шлюзе, остался его Барс. Замерший на полусогнутых лапах нелепый железный зверь со вскрытой капсулой пилота. Когда Игорь вошёл в белизну зала, у него, как и в прошлый раз, закружилась голова. Он зажмурился и пошёл вперёд, вслушиваясь в ощущения босых ног на ворсистом полу. Если не закрывать глаза, то идти невозможно – не хватает высоты и скорости. Пол давит, он слишком близко. Игорь поднял голову вверх и посмотрел на потолок. Здесь наоборот: пространства казалось слишком много, но голова не кружилась. Наш герой постоял так какое-то время и, наконец, решился взглянуть перед собой. Он опустил голову и вздрогнул от неожиданного зрелища.

В середине белоснежного зала спиной к нему стояла девушка. Она была одета. Что-то необычное – лёгкое и воздушное прикрывало её тело от плеч и до колен. Белый свет стен размазывал рисунок ткани и детали фигуры. Он обкрадывал её со всех сторон: скрывал тени, выбеливал тело. Но стерильность обстановки не делала загадочный силуэт менее притягательным. Игорь замер. То, что происходило сейчас, было невозможным. Это был нонсенс, выход за все правила. Не могло это помещение принять одновременно двоих. Что-то сбилось. Но, чтобы это осознать, требовалась способность думать. Сейчас же мозг бездействовал.

Мужчина смотрел и не верил своим глазам. Никогда в жизни он не видел женщину вот так – близко. Без посредничества экрана.

У него не было возможности рассмотреть её лицо, фигура терялась под складками столь непривычной одежды. Игорь не мог выбрать в ней главного, того, на что стоило смотреть внимательнее, чтобы не тратить бесценных секунд на остальное. Он не мог понять своих чувств и желаний. Он знал только одно: дышать не получалось. Его грудь сжало что-то податливое, со всем согласительное. Непривычное, немного рабское, но не унижительное.

Она же не замечала его. Стояла хрупкая, болезненно незащитная. О чём-то вполголоса спорила сама с собой. Иногда дополняла слова резкими взмахами рук. Потом замирала задумчиво. Громко, на вдохе, всхлипывала. Опять с кем-то о чём-то спорила. Этот монолог-диалог, по-видимому, расстраивал её. В какой-то момент она зарыдала. Прикрыла одной рукой лицо, а второй шарилась в пустоте, ища опоры. Игорь стоял и не знал, что делать. Он начал-таки дышать через рот, чтобы сопением не выдать своего присутствия. Тем временем, не найдя поддержки

в воздухе, девушка опустилась на пол. Положив одну руку на колени, а голову на неё, она водила другой рукой по бархатистому полу. Как будто рисовала сложный и невидимый рисунок. Тихо всхлипывала. Иногда прорывались звуки, похожие на сжатое, задушенное подвывание. Жалкие, больные.

Услышав их, Игорь очнулся. Он сделал шаг вперёд. Ворсистый пол деликатно поглотил звук движения. Затем ещё шаг, и ещё один. Он уже отчётливо видел её тонкую шею под тугим узлом волос цвета вороньего крыла. Он мог рассмотреть изящные, длинные и тонкие пальцы её руки. Рядом с ней в воздухе витал почти неуловимый терпкий запах. Запах. На нём онемевшее тело пробудилось окончательно. В Игоре проснулись чувства и неуправляемые, неуместные желания: зачесался нос и затылок, рот наполнился слюной, руки запросили движения. Мужчина боялся двинуться, тянул время, терпел, сколько мог. Но, не выдержав, громко сглотнул. Звук грянул в его голове нестерпимым грохотом. И, напуганный им, Игорь прошептал: «Привет». Слово прозвучало глухо и тихо. Девушка же вскочила от него как от выстрела. Она резко повернулась. Её взгляд добил остатки разума. Игорь сделал шаг навстречу и понял, что пропал окончательно.

Он смотрел в её тёмные, огромные в испуге и блестящие глаза и не мог насмотреться. Он никогда в жизни не видел ничего красивее. Оживлённая движением, волна терпкого запаха выплеснулась на него. Обдала его, заставляя сердце замереть и сжаться. Выхваченные в первые мгновения черты лица отложились где-то в голове как элемент оформления глаз. Сейчас он не замечал прочего, только глаза. Остальное ушло на второй план. Он не видел лица, губ, носа. Только Глаза. Расширенные от удивления, бесконечно тёмные и живые. Сияющие недавней слезой и напуганные. Смотрящие снизу вверх, втягивающие в себя рисунком зрачка. Пропасть глаз и дурманящий аромат. Откуда-то извне приходило подрагивание её ресниц, излом бровей, движение губ. Он не мог всё это сложить, не мог говорить, не мог думать. Его не смущала та глупая поза, в которой он застыл, словно парализованный.

Где-то внутри, очень глубоко, начал движение страх. Стремительно поднимаясь и забирая на себя внимание, это неосознанное чувство начало разрастаться. Игорь понял, что свидание может и должно закончиться, что отдал бы всё, только бы не нашлось силы, которая разлучит их. Вот сейчас не разорвёт эту сцепку взглядов. Но страхи неизбежно исполняются. Она сама сделала это. Глаза-колодцы несколько раз испуганно моргнули, скрылись, разрывая связь движением головы. Вырвалось: «Ой». И девушка сделала несколько шагов назад. Потом развернулась и всё быстрее и быстрее пошла к своему выходу. И уже у двери побежала.

Игорь ничего не понимал, не воспринимал, не думал. Пока вместе с металлическим щелчком замка до него не дошло главное – «ОНА УШЛА». Первый взрыв паники был отупляющим. Мужчина рванулся к двери и вцепился в ручку, которая ещё могла всё спасти. К его несчастью, в этот раз автоматика не допустила сбоя.

Он ударил кулаком в жёсткую, равнодушную дверь. Всё закончилось. Ничего уже нельзя было вернуть. Паника стекала по телу холодным ознобом. Разум вновь обретал силу. И от этого становилось только хуже. Мужчина вдруг осознал непоправимость ситуации – он не знал, кто она. И у него не было шансов найти её. Он не сможет увидеть, угадать её в этих проклятых железках! Его охватила дрожь. «НИКОГДА» – это слово, напитанное безысходностью, пугало. Он пытался его отогнать. Искал выход в запредельной сосредоточенности путаных мыслей. Но слово «НИКОГДА» снова долбило в голову. Разрывало его изнутри. В животе возникла противная сосущая пустота. Что же произошло? Почему он, как идиот, стоял и пялился, вместо того, чтобы спросить её: «Кто ты?», «Как тебя найти?» Почему он не побежал за ней? Почему дал захлопнуться этой проклятой двери?

«Как же теперь?» – прозвучало внутри него тихо и сосуще. Колени Игоря подогнулись. Он опустился на пол и завыл. Завыл тоскливо и одиноко. Ослеплённый и беспомощный. Влюб-

лённый человек в мире, не рассчитанном на любовь. В мире, рассчитанном на индивидуальную радость.

Он не помнил, как сел в машину, как пришёл на работу. Всё, что он осознавал, – это принесённый в брюхо Шелла аромат встречи. Её аромат. Спроси его, как прокатился тот день, – он бы не смог вспомнить. Его разум разделился на две части: активную, не признающую поражения, требующую действий, поисков, и вялую, пассивную, для которой уже всё стало ясно. Каждая из них на какое-то время завоёвывала пространство в его голове, изгоняя вторую. Но соперница возвращалась и царствовала в сознании мужчины до очередного переворота. В этом кошмарном бою существовало какое-то неуловимое чувство, зародившееся ещё на белом полу «реальки». Оно жило само по себе, подпитываясь круговоротом надежды и отчаяния. Это чувство несло с собой какую-то большую радость, удовольствие. Оно горячо плескалось внутри. Каждый пик, каждая волна его несла в себе сладкую боль. Каждый отлив сопровождался горьким восторгом. От этого незваного коктейля Игорь блаженствовал и сходил с ума.

Наконец активная часть сознания начала сдаваться, забитая безжалостной логикой противника. В поисках соломинки она выскивала любой предлог, чтобы сбежать от реальности и как-то прекратить эти муки. «Сеть? Футбол? У меня же лекция! Сейчас, уже началась!»

Ярина

Лекция подождёт. Пришло время, дорогой мой читатель, познакомить тебя с лучистым и удивительным человеком. Лучистость её была заложена ещё в тот момент, когда родители выбрали для дочки такое солнечное имя – Ярина.

Нет никаких сомнений, что мама с папой и сами были удивительными людьми. Потому что у других, «неудивительных» людей, такое чудо навряд ли получилось бы. К тому моменту, когда она пришла в нашу сказку, она всё ещё была совсем юной девушкой. Но её умение зацепить суть в любом начинании было просто поразительным. Глядя на неё, общаясь с ней, никто, даже самый проникательный человек, не мог за безбрежной доброжелательностью, светлой улыбкой и звонким смехом по малейшему поводу найти тот ключик, который позволял Ярине хвататься за свою цель мёртвой хваткой. И шаг за шагом пробиваться к главному. Если бы ты знал, дорогой мой читатель, с какой жизнерадостностью и лёгкой уверенностью она достигала желаемого. Всего того, что другим людям, менее сильным и лёгким, далось бы только ценой безумных усилий и переживаний. И при всём при этом милая и радушная девушка.

Ну разве могло такое чудо родиться у каких-то заурядных людей? Вот и я о том же. Впрочем, своих родителей Ярина как раз и не знала. Единственным человеком, с которым она связывала своё детство, была её няня из Центра Роста. Женщина, скорее годившаяся ей в бабушки, чем в матери. Няня души не чаяла в ребёнке. Именно она сохранила тепло и в девочке, и в их отношениях до тех дней, о которых я вам рассказываю. Няню звали Ариной. Как ей было не выделить из толпы ребятишек девочку с похожим именем? Впрочем, не в имени дело. Ну или не только в нём. Как бы там ни было, а сама няня называла Ярину Солнышком или Аришей. Чудесная женщина. Сдаётся мне, что это она наградила Яру способностью так тепло и участливо улыбаться людям.

У Ярины тоже был Шелл, но этот зверь не достоин того, чтобы его описывать. Что называется, «был и был». Яра не выбирала его, когда была такая возможность, а просто взяла то, что дали. Шелл был неотъемлемой, но совершенно неважной частью её жизни. Это был инструмент в реализации её бесконечных идей и поисков.

Ярина, как и многие люди её склада характера, не знала недостатка в знакомых, приятелях и подругах. А сколько было тех, кто хотел быть таковым. Впрочем, путь к статусу приятеля был коротким. Хотя ничего особенного в жизнь обоих он не добавлял. Вот кого не было у

Ярины, так это друзей. Были те, кто думал, что он или она её друг, но не было тех, кого она могла бы считать своим другом. Или того, кто мог бы сказать, что «он её знает». В слово «друг» Яра вкладывала много смысла. Сомневаюсь, что я бы смог сдать экзамен на эту должность.

Вспоминается расхожая фраза: «налить, но не смешивать», эта фраза подходит к нашей юной героине. Ярина жила в мире своих сверстников, погружённая в их дела и заботы. Отзывчивая и доброжелательная, она всегда осознавала себя чуть-чуть в стороне и не позволяла увлечь. Девушка снисходительно относилась к увлечениям товарищей, впрочем, никогда этого не демонстрируя. Она была уникальной девочкой. Редким ребёнком, который воспринимал этот мир целиком и, кажется, уже родился взрослым. Может быть, на это повлияла её няня, которая жила непривычной для обычного городского человека жизнью. Сама не осознавая этого, закладывала в ребёнке восприятие мира с изломом на грани двух способов жить в этом Городе. Вполне возможно. Но я всё-таки склоняюсь к незаурядным родителям.

Врождённое любопытство и цепкость были причиной тому, что девушка часто оказывалась в необычных ситуациях и на исключительных мероприятиях. Так стоит ли удивляться, что Ярина тоже попала в список слушателей на лекциях, которые вёл Профессор? Только в отличие от Игоря она его называла «Дяденька». Почему «Дяденька»? Я не спрашивал. Уверен – отшутится или плеснёт такой неподдельно искренней версией, что я запутаюсь, а переспросить постесняюсь.

В её исполнении новое имя Профессора звучало естественно. Мило и уважительно. Но всё-таки в нашем изложении пускай он остаётся Профессором. Тем более что произносила Яра непривычное для нас имя только про себя.

В отличие от Игоря студенчество Яры не было случайным. Как-то в мимолётной беседе с приятелем она уловила ниточку, на которую не обратили внимания остальные. Яра переключила свой Шелл на приватную связь. Улыбнулась собеседнику – чуть полноватому парню с копной включенных волос.

– Вася, ты простишь, что я остальных выключила? – деликатно поинтересовалась девушка.

– Да брось, Ярин, обо мне и не вспомнят. Тебя – да, искать будут, – спокойно ответил ей Вася.

– Расскажи мне, пожалуйста, про ваши занятия.

– Ярин, я не могу. Я и так лишнего болтанул, – было видно, что Василию действительно неловко.

– А давай так, чтобы никому обидно не было. Ты мне ничего не рассказывай, а просто попроси, как сможешь, учителя меня тоже взять в группу. Откажет – я не обижусь, а не откажет – буду должна. – То, с каким видом это было сказано, не предполагало отказа. Ни в каких вариантах.

– Яр, я попрошу. Только ты мне пообещаешь, что у нас с тобой разговора об учёбе больше не будет. Хорошо? Если Профессор согласится – ты об этом и без меня узнаешь. А если не согласится – мне к этому нечего будет добавить. Договорились?

– Договорились. Спасибо тебе, Васенька. Я очень буду ждать!

Просьба Василия достигла нужных ушей. На следующий день Ярина уже «проваливалась» в лекцию. То была другая группа, и программа у них была иная. Я не буду в нашем повествовании пытаться рассказать вам всё и обо всём – не хочу брать на себя непосильных задач. Поэтому мы оставим на какое-то время юную героиню и вернёмся к нашему герою и тем лекциям, в которые мы уже погружены.

Скат

Новая картинка аудитории была несносной. Кажется, кто-то упражнялся в безвкусице и каждый раз одерживал сам над собою блистательные победы. Сегодня фон студии был неоновозелёным, в ошмётках нелепых красно-жёлтых цветов. Парты были выстроены друг за другом и со звонким гудением и пытением двигались по кругу. Приглядевшись, Игорь понял, что звуки создаёт Профессор, сидящий на своём стуле на крышке первой парты этого состава.

Внезапно всё остановилось. Профессор резко и ловко развернулся лицом к остальным. Посмотрел залихватски на Игоря и браво произнёс: «Опаздываем, опаздываем. Вас ждём, голубчик. Развлекаемся, как можем». Он секунду подождал ответа и, не дождавшись, продолжил: «Я успокоил Ваших товарищей, объяснив им сложность переживаемых Вами чувств. Они дружно кивали, но, сдаётся мне, ничегошеньки не поняли. А вот покататься на поезде с радостью согласились».

«Ну, с “товарищами” – это перебор, – подумал Игорь. – Я их второй раз вижу. Да и то в виде корявых рож».

Потом он посмотрел на сокурсников и его посетила мысль, что их желание покататься тоже не очевидно. Восторга в лицах как-то не наблюдалось, а вот растерянности – этого сколько угодно. Через секунду, когда мозг вернулся к способности складывать слова в мысли, вспомнилась необычайная информированность Профессора. Рот сам собой открылся, однако до вопроса дело не дошло.

Профессор же как ни в чём не бывало спрыгнул с парты и отошёл вместе со стулом в сторону. Так чтобы оказаться напротив учеников.

– Ну, так, продолжим. Мы немного заигрались, – попытался перейти на деловой лад Профессор. Искорки веселья в его глазах остались. Вскоре, побеждая серьёзность, они разрослись в огоньки, потом где-то рядом с огоньками запрыгали чертенята. Озорная улыбка расколола деловую маску. – А ну её, эту лекцию, – беспечно предложил Профессор, – уж развлекаться, так развлекаться. А ты, – он резко ткнул пальцем в сторону Игоря, – мучайся совестью. Опоздал – лекцию сорвал, – Профессор хитро подмигнул и стал потихоньку осыпаться. Точнее, сначала стал осыпаться его стул. Он потерял цвета, тени, остался серым контуром, а затем опал серебряными осколками. Следом за ним в той же чередой метаморфоз осыпался Профессор. Затем серебряная пыль взвилась с порывом неизвестно откуда взявшегося ветра и стала завиваться по спирали. Вытягиваться вверх, образуя что-то вроде торнадо, только вверх ногами. Скорость вращения стала нарастать. Красно-жёлтые цветы не смогли удержаться на едко-зелёном фоне и оказались втянутыми в набирающий скорость водоворот. Вой ветра перерос в свист, затем в шипение. Игорь утратил связь и с этой сомнительной реальностью, так как всё закружилось у него перед глазами. Увидев вокруг себя блеск серебряной пыли, он понял, что и сам превратился в вихрь. Последним подарком зрения была размытая картинка вращения. Впрочем, и она тоже рассыпалась. Всё сместилось в свистящую и шипящую темноту.

Наш герой не запомнил тот момент, когда пропала темнота, пропал шум. В какое-то мгновение он осознал себя летящим. Игорь видел внизу свой серебряный Шелл, заснувший у старинного здания на изгибе проспекта, видел Город. Свобода полёта оказалась настолько неудержимой, а лёгкость тела настолько беспредельной, что оставаться на месте не было никакой возможности. И Игорь стартанул. Резко, как-то неожиданно уверенно и сильно. Как будто делал это постоянно. Легко набирая скорость и уходя в высоту, он мчался, уворачиваясь от проводов. Он слышал, как его зовут, и знал, что звук здесь был ни при чём. Чувство свободы и полёта опьяняло и наполняло смелостью и дерзостью. Игорь ещё прибавил скорости. Никакая сила на свете не смогла бы его сейчас остановить. Плотный поток ветра, скорее всего придуманный им же самим, и чувство всемогущества выдули все печали и заботы. Игоря захлест-

нула энергия движения, азарт виражей. Полёт был упоителен, но сквозь его энергию и восторг Игорь слышал призыв Учителя, он чувствовал приближение. Вскоре впереди, чуть выше себя, наш герой увидел серебрящееся тёмными переливами плотное облако. Оно летело медленно и грациозно. В теле, напоминающем морского ската. Когда Игорь поравнялся с ним и сдержал движение, то понял в этом существе Профессора. Учитель не был точным подобием морского чудовища. Вместо раздвоенной головы было что-то более напоминающее змеиную. Наш герой не смог бы объяснить, как узнал Профессора. Он видел его по цвету скользящих потоков. Он ощущал его энергию. Он угадывал его ещё какими-то чувствами, которых объяснить не мог. Игорь воспринимал мощь Учителя, его возраст, мудрость. Магнетизм был настолько сильным, что наш герой принял неоспоримость власти, под которую попал. В нём проснулся голод, жажда впитывать опыт, силу. Молодой человек был похож на маленького щенка, очарованного и напуганного матерым волком. Хотелось идти следом неотрывно, но было страшно подойти слишком близко.

Скат и внешне производил удивительное впечатление. Он был похож на пламя, заточённое в тёмно-фиолетовую глазурь льда. В темноте мистического тела был виден бушующий огонь. И это при том, что Игорь осознавал: никакого тела как такового нет. Попытки найти форму уводили в неопределённость. Просто часть пространства, сотканного из нитей искр и ткани переливов.

Вскоре к ним присоединились другие ученики. Они являлись по-разному. Некоторые влетали с мощным виражом, другие же приближались осторожно, даже боязливо. Старались издалека взять контроль над скоростью полёта и его направлением. Переход от рисованных образов к тому, что виделось сейчас, был ударным. Игорь был поражён тем, в каких ликах являлись его сокурсники. Всё, что люди так тщательно скрывали в себе, пытаясь сгладить, перекрасить, подменить – всё это было сейчас отброшено, стёрто. Сущность была открыта для понимания, но настолько сложна и непостижима, что создавалось ощущение безграничной глубины характеров. Восприятие было выгнуто, бесконечно многослойно. Как если бы детская игрушка калейдоскоп оказалась вывернутой наружу всем своим разноцветием. Не было бы нужды заглядывать в дырочку, чтобы увидеть потаённое. Но при этом, вывернувшись, был закрыт другой мир, который давал о себе знать глубинными проблесками.

Игорь потерял себя. Его навыки осознавать окружающий мир здесь не работали. Старые уловки восприятия казались бесполезными. Новые были ещё не приобретены. Он летел рядом с Учителем и ловил всполохи, токи, отходящие от того. Он впитывал его знания. Они втекали размеренно, спокойно. Ученик чувствовал всем существом, что процесс этот измеряется не количеством полученного, а оттенками, запахами, душевным трепетом. То есть это был процесс ради процесса. То, что ценно само по себе. Как созерцание цветения ветки сакуры, как блаженство от вида текущей реки, как тепло от солнца на ласковом морском берегу. Знания и ощущения притекали. Игорь понимал, что источник бесконечен. Что он мог бы нежиться в этом потоке без границ во времени. Что оттенки чувств и гамма эмоций не имеют пределов.

Молодой человек насыщал душу. Не сознанием, но чувствами. Он переживал воспоминания Учителя, участвовал в процессах былого, видел, как создавался этот материальный мир. Он наблюдал страхи первых растений. Он жил чувствами невиданных существ – ещё несовершенных творений. Примитивных машинок, созданных по заказу и схемам бестелесных людей. Игорь видел, как люди играли, погружаясь в примитивные тела. Ограничивали себя только теми органами восприятия, которыми сами наделили свои создания.

Это была Игра. Забава, которой души отдавались с понятным для нас азартом. И с непонятной для нас целью: не выхватить новые ощущения, а, наоборот, попытаться воссоздать происходящее вокруг себя в полном диапазоне его сущности. Ограничив себя тем минимумом, который позволяли вмещённые в тело органы чувств. Используя малое, понять реальность, более глубокую и выходящую за рамки столь скудного восприятия материального творения.

Наш герой переживал жизнь растения. Он осознавал мир сквозь щель чувств, отведённых для него. Он сходил с ума от открывающихся видов. Необъяснимые краски того восприятия, где нет места зрению и слуху, где картина ощущений другая, куда более полная и яркая. Игорь понял и сумел насладиться отсутствием возможности к перемещению в пространстве. То, что казалось ущербным, обернулось даром. Эмоциональная насыщенность чувств самой тоненькой травки вскрылась настолько ярко, что мысли о движении тела по поверхности земли казались нелепостью.

Игорь наблюдал процесс создания, улучшения и отбраковки новых и новых разработок. Он поражался гению, способному соединять дар восприятия с материальной сущностью. Вложенность энергетических перетоков, взаимное питание одного другим, всеохватывающее взаимное пожирание, перерождение, слияние, умение быть рядом и не сталкиваться. Бестелесный человек, обладая фантастическими возможностями, кропотливо переносил свою сложную структуру на тот крохотный мирок, который выбрал полигоном для своих изобретений. Если бы только биологическая энциклопедия могла себе представить тот ряд удачных и неудачных творений, она бы самоуничтожилась, осознав собственную скудность.

Он проснулся в Шелле и долго лежал, глядя в безжизненный экран. Состояние было ужасным. Молодой мужчина в полной мере ощутил верность названия, данного машине, – «скорлупа». Пережив в одном полёте сотню жизней, потеряв понятие «расстояние», сейчас он осознал себя загнанным в ящик. Нестерпимо захотелось выйти, побежать, почувствовать свободу. Мышечная напряжённость сковала тело и рвалась наружу. Игорь направил свой Шелл туда, где встретил Женщину. В то единственное место, где Шелл мог дать выход.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 3

Глава 3

*Жило-было в моей душе чудное состояние,
Похожее на гладь воды, на утренний покой.
Я видел в нём и сладсть, и дней зовущее сияние
И рад был тем, кто есть сейчас. И знал тебя такой.
Оно звалось Свободою. Но я вкусил стабильности.
Мне был доведком дан комфорт да сытая тоска.
И вот я заперт в скорлупе, где без вины в повинности.
Ах, Воля моя Волюшка, где ж силы для броска?
Как вырваться в простую жизнь из гиблой защищённости?
Как же рискнуть ступить ногой в дорожной пыли пух?
Сорваться с поводка, уйти к надеждам и влюблённости.
И, не жалея старых дней, пустить к ветрам свой дух.*

На полу

Игорь ворвался в пустое помещение «реальки». Как же он жаждал действия. Он, как тигр по клетке, носился из угла в угол. Он искал выхода, но выход не находился. Энергия рвалась наружу и выплёскивалась в этом бессмысленном метании от стены к стене, от двери к двери. «Что это?! Что это?!» – орало всё внутри него. Он бы побежал по потолку, по стенам, если бы смог. Его душа ещё мчалась сквозь пространство, сквозь века и измерения. Она не остановилась от полёта. Ей было тесно. Ах, как же ей было тесно в казематах человеческого тела! Как же тесно было телу внутри непроходимых стен!

В голове мелькнула вздорная мысль: «А может, попробовать через шлюз прорваться наружу? И будь что будет». Но здравый смысл тут же пресёк безумие: «Нереально, внешние двери не откроются человеку без Шелла. Если бы и открылись – какая радость сдохнуть от голода?». И тем не менее Игорь подошёл к двери, соединяющей реабилитационный зал и шлюз, и открыл её. Он смотрел на вскрытую капсулу оставленного Шелла и совершенно не чувствовал неприязни к этой железяке. Да, машина была его персональной камерой, но он испытывал к ней некое подобие жалости. Словно к преданному зверю, с которым предстояла разлука. Хотя о чём он? Они связаны, и связаны навсегда. Его самого нет в этом мире. Он – только начинка. Реален Шелл. Питание – идентификация Шелла, дом и защита – Шелл, сеть – Шелл. Лекции и полёты – Шелл!

Наш герой со злостью толкнул дверь, но доводчик предусмотрительно погасил его энергию. Дверь мягко щёлкнула и закрылась. Игорь развернулся к ней спиной и сел. Тут же, на пороге. Он бессильно вытянул ноги и откинулся на спину. Дал телу слабость медленно сползать по скользкому ворсу настила. Наконец вытянулся в полный рост и долго лежал, глядя в потолок. Постепенно успокаивался. Эта комната поневоле становилась свидетельницей его самых сильных переживаний. Она начинала ему нравиться. Здесь было тихо, никто не лез «в душу», хорошо думалось и вспоминалось. О полёте, об Учителе, о ней. Реальность недельной давности – добрая, спокойная, сытая – сейчас казалась столь далёкой. Словно целая жизнь разделяла его и прежний мир. Да и он ли там был? Он уже не был тем человеком, который гладил розовый живот робота и считал обычный сон высшим удовольствием. И он знал, что уже никогда им не будет. Игорь повернулся на бок, положил руку под голову и уснул. Ему снились белые медведи. Не злые и кровожадные, какими они остались в документальных хрониках, а добрые и мягкие. Они подходили к нему, лежащему на ледяной необозримой глади, и обнюхивали. Обдавали тёплыми потоками воздуха. Он разговаривал во сне с самым большим из них. Звал его поле-

тать вместе с собой. Медведь охотно соглашался. Кивал, сидя на льду, вытянув кожаные пятки в сторону человека. Но они никуда не летели, а разговор всё затягивался и затягивался.

Проснулся он уже глубокой ночью. Почувствовал, что замёрз. Встать и уходить жутко не хотелось. Он, ещё сонный, пытался свернуться калачиком и согреть себя, закрывшись руками. Но, промучившись минут пятнадцать, проснулся окончательно. Понял, что пора идти в Шелл.

Нутро машины приняло его домашним теплом. В воздухе послышался какой-то пряный аромат, что случалось крайне редко. Игорь воспользовался близостью коммуникаций и заполнил брюхо железного зверя тёплой водой. Зверь, как бы извиняясь за свою неполноценность и роль тюремщика, включил режим джакузи. Стены сжались вокруг кресла пилота, внутри них включилась фоновая подсветка. Игорь опять уснул. Уже в тепле, вытянувшись в пузырящейся ванне. Видения больше не приходили. И медведи не превратились в играющих дельфинов. Он провалился в пустой безвременный сон.

Утро

Утро Ярины было настолько дивным, что Шелл транслировал внешний мир практически без мотивирующей доработки. Ну разве что соловья добавил и ветерок подогрел. Шерсть железного зверя поднялась дыбом и стала невидимой для пассажира. Через прозрачный пластик в кабину ввалилось Солнце. Ласковое, пробуждающее, жизнетворящее. Вместе с ним пришли длинные утренние тени, беспечное и безоблачное небо. Девушка проснулась, как обычно чуть опаздывая за утренней зарей. Она блаженно потянулась в кресле. Всё-таки утро и молодость – славное сочетание, заботы прошлого дня сжимаются до крохотной горошины, закатившейся куда-то в уголок восприятия, остаётся только чудесное утро и молодость.

Досмаковав остатки дрёмы, Яра включила музыку. Начала выполнять любимые упражнения её собственной разработки: «программы сладких потягиваний». Ей потребовалось не более десяти минут, чтобы окончательно проснуться. Девушка с удовольствием вспомнила вчерашний урок, на котором она впервые приняла в себя состояние полёта. Или отдалась состоянию полёта? Впрочем, никакой разницы. Воспоминания добавили ещё одну приятную нотку в это безусловно волшебное утро.

Завершив утренний моцион прохладным душем, она направила Шелл к ближайшему кафе. С планами найти тех, кого можно осчастливить своим присутствием.

Внезапно Яра почувствовала, как окружающий мир блёкнет и меркнет. Она поняла, что теряет сознание и проваливается в лекционную тьму. У неё едва хватило сил остановить машину.

В центре черноты стоял железный стул, на который облокотился Профессор. Тонкая и иллюзорная серая подсветка по углам учебного зала скрадывала мрак. Создавала эффект деления пространства на пол и всё остальное. Клоунады не было. В лице и позе Профессора также не было ни намёка на шутку. Он выглядел необычайно серьёзным, суровым и непроницаемым.

– С прибытием, – сухо и резко начал он. – Внеочередное заседание.

Ни один звук не нарушил течения его слов. Тишина отсчитала секунды, и Профессор продолжил.

– Я слегка поторопился, выведя вас на прогулку. Моя вина. Отрицать не буду. Хотелось, чтобы вы научились сначала чувствовать, и только потом анализировать. – Он задумался, глядя в пол и тяжело опираясь на стул. – Я рад, что сейчас успел и вижу вас всех в целостности и невредимости. Прошу простить меня за то, что подверг такому тяжкому испытанию. Не думал, что будет так. – Снова тяжёлая пауза. Профессор выдавал фразы обособленно, плохо скрепляя их друг с другом. – Я поторопился и сейчас должен рассказать вам немного о структуре того мира, который вы вчера увидели. Если, конечно, вы что-то вообще увидели, кроме собствен-

ного детского восторга. Впрочем, это нормально. Летать могут не все. Вы должны знать это. То, что вы это можете делать, – плюс вам, поэтому вы и здесь. Но гордиться не надо, вы не избранные. Говорю это для того, чтобы до вас дошло: есть и те, кто не может летать. Уныние, отчаяние, слабость, гнетущие страхи, духовная мерзость – всё это груз. Груз непосильный. Груз неприподъёмный.

Опять повисла давящая тишина. Профессор словно кусками накладывал свои мысли. Сдерживал в себе что-то важное. Ярина в этом необычайно нескладном вступлении почувствовала надвигающуюся бурю. Поэтому, когда та разразилась, девушка оказалась к ней готовой.

– Ты! Да, ты! – внезапно рявкнул Профессор кому-то из учеников, обдав класс волной страха. Он глядел чуть в сторону от Ярины. На кого-то невидимого в непроглядной черноте. – Ты, ты, я с тобой разговариваю! – Профессор внутренне одёрнул себя и насколько смог смягчил голос. Слова и фразы остались жёсткими. – Запомни раз и навсегда: в тот момент, когда ты убиваешь тело, сказка не начинается. Полёт не становится вечным и бесконечным. Мне надо было бы начать наши уроки с других экскурсий. Чтобы ты усвоил полную картину мира. Что же, учту на будущее. А сейчас просто расскажу, что происходит с теми, у кого получается самостоятельно избавиться от тела, не закончив своей Игры. Твоя душа зафиксирована боль, отчаяние, страх, слабость, безысходность. Этот груз десятикратно превысит ту грань, за которой ты не просто не сможешь летать, ты даже от земли будешь не в силах оторваться. Ты меня понимаешь?! Ты хотела сейчас расстаться с телом?! Я тебе могу рассказать, какой результат ты получила бы в случае успеха. Ты, уже бестелесная, прямо сейчас оказалась бы придавленной к земле тяжестью собственного душевного гнёта. Или греха – называй это как тебе будет угодно. Твоя душа ползала бы до тех пор, пока не стекла бы в какую-нибудь яму к таким же, как она. Ты обрекла бы себя находиться там, пропитываясь пороками других, черпала бы от больных душ ещё больше отчаяния. И мечтала, спала и видела, чтобы встретить не занятую никем подходящую змею или жабу. Ты хочешь побыть жабой? А пришлось бы. Если бы очень повезло. Эти гады, хоть и были созданы для падших душ, но наплодились в недостаточном количестве. Ты должна знать, что в ямах и расщелинах за свободную жабу битва, как за кусок хлеба в голодный год. Ибо, только захватив незанятое другим тело гада и используя его сомнительную физическую силу, можно попытаться вылезти из подобных мест.

Профессор замолчал, перегорая внутри негодованием. Когда он снова заговорил, голос его был тихим и, кажется, даже извиняющимся.

– Хорошие вы мои. Прошу вас, не делайте глупостей. У нас всё ещё впереди. Не заставляйте меня кричать на вас, – сказал он и затих, переводя дух. Тишина стояла гробовая. Затем продолжил: – Раньше у каждой души был шанс подняться после падения. Это было не так сложно. В те времена вокруг было больше тех, кто поддержит, не даст упасть. Сейчас же мы сильно «приземлены». Рядом с нами слишком мало по-настоящему близких, умеющих помочь подняться. В таком одиночестве и в такой страшной близости от земли цена ошибки стала очень дорогой. Многие из живущих в телах даже не осознают, насколько нуждаются в поддержке и участии. Вы ещё увидите это своими глазами. Я задал вам нелёгкий ребус. Но поверьте мне, тело может приносить много радости. Относитесь к нему как к данному вам на время подарку. Дорогому подарку, ибо многое было сделано, чтобы создать такое совершенство.

Тишина была ему ответом. Секунды оттикали нужную паузу.

– Хорошо. Инструктаж закончен. Жду на следующей лекции, – ровным голосом без намёка на эмоцию заключил Профессор.

Ярину снова выбросило в солнечный мир безупречного утра. Соловей в динамиках икнул и продолжил свою трель. Если бы кто-то мог видеть Яру этим утром внутри её Шелла до и после инструктажа, он бы не заметил никаких перемен в состоянии девушки. Ну, может быть, лёгкую досаду. Всё-таки утро и молодость – славное сочетание.

В кафе

Профессия грузчика одна из самых интересных. Так думал Игорь, выполняя очередное задание, поступившее из системы. Сегодня он работал с особым удовольствием. Он уменьшил участие Шелла до минимума и старался изо всех сил нагрузить своё тело, а не умную машину. Впрочем, а когда Игорь работал без удовольствия? И кто вообще работал без удовольствия? Конечно, не всем так повезло с профессией, как ему. По бонусам и получаемым начислениям работа была так себе, но в остальном – Игорь не мог представить места лучше. Может быть, он не пробовал работать по другой профессии? Возможно.

На его должность конкурс был стабильный. Три или четыре человека на место. Только уйди... Вот сегодня, к примеру, миссией его бригады была загрузка ресторанных трейнов. Начисление бонусов по двум показателям: время и плотность загрузки. Работа чем-то напоминала игру из серии «Тетрис». Один Шелл на один вагон. Коробки разноформатные, оценка пустот автоматически после загрузки. Лучший грузчик получает серьёзную прибавку к бонусам. И джакузи внутри Шелла по авторской программе. Чем не игра? Складывая коробочки и получай бонусы. Игорь был одним из лучших. До перехода на новый уровень оставалось не так уж и далеко. А новый уровень – это то, за что стоит побороться. Там и миссии куда серьёзнее тех, которые осваивал сейчас Игорь, и прошивка на Шелл выдаётся с увесистым набором дополнительных радостей.

Вообще-то, Игорь любил работать под музыку. Уверен, молодые ребята и те меломаны, что постарше, позавидуют возможностям нового времени: можно забыть про внешний шум; музыка как минимум пяти столетий в отличном качестве и нескончаемо разнообразная. Нашему герою нравились треки двадцать второго, двадцать третьего века. Это был перелом. Старинные этнические мелодии того времени уже могли записываться в приличном звуке, а разнообразие жанров было просто фантастическое. Потом тоже было неплохо. Но уже как-то не то. Стало повторяться, смешиваться.

Но всё хорошее когда-нибудь да заканчивается. Работа не стала исключением. График последних дней уже сложился в обыденный, привычный ритуал: работа, «реабилитационный центр», обед (когда успевал), лекции, «реабилитационный центр», ужин, сон, «реабилитационный центр», работа...

Наш герой каждый свободный час использовал для того, чтобы добежать до «реальки», и не упускал возможности пообщаться с Шеллами в зоне видимости. Он по-прежнему надеялся на то, что она придёт сюда снова. Игорь перезнакомился со всеми, кто по описанию в сети мог оказаться ею. Всё было тщетно.

«Реалька» стала постом номер один по частоте посещений. Здесь он спал, ел, отсюда уходил на лекции. Несколько раз ему звонила Альбинка, но Игорь находил способ уйти от разговора. Избегал встреч. Ситуация с подругой была до крайности неприятной. Но в нашем герое что-то произошло. Он ещё не понимал, что именно. Что-то закрылось. Что-то открылось. Игорь ощутил разницу в своих чувствах, в своих отношениях. Как ни старался оставаться прежним, общение не складывалось. Он не мог кривить душой и не хотел обижать Альбину. И встречаться тоже не хотел. Вот и вёл себя, как... не знаю, как кто. Было неприятно и ему и, как он мог догадаться, ей.

В конце концов наступил тот самый момент, когда он не смог отшутиться от встречи.

– Игорь, ты где сейчас? – В мониторе была Аля. Голос её звучал непривычно тихо и вопрошающе. – Мы можем сейчас встретиться?

– Конечно, Аль. Скажи – куда добежать? – Игорь выложил к общению весь свой запас оптимизма и участия, фальшиво сиял, глядя в экран. Пропуская через сердце потухший голос и ускользающий взгляд подруги, понимал, что не вправе отказать ей во встрече.

– Приходи к нашей кафешке на Кутузовском.

Он без объяснений понял, куда она его звала. Они любили ужинать в том кафе. Кутузовский проспект был уютной, тихой улочкой, достаточно широкой, чтобы не тереться боками с другими Шеллами. Обстановка там располагала к спокойным посиделкам летними вечерами, поэтому проспект был переполнен разного рода забегаловками, ресторанчиками, парками. Несколько лет назад они с Алькой облюбовали местечко с пафосной вывеской под громадным искусственным деревом. Ветви дерева служили чем-то вроде кабинок для клиентов, а через ствол обеспечивалась быстрая доставка заказов. Кафе отличалось приятной обстановкой и недорогим меню. Там почти всегда было малоллюдно и спокойно. Наверное, вывеска пугала своей претенциозностью людей небогатых, а довольно скромное меню – людей с амбициями. А может быть, расположенный рядом парк оттягивал на себя клиентов? Впрочем, какая разница.

Когда Игорь добежал до места встречи, Алька уже была там. Она заняла их любимую ветку, нависающую над огромным фонтаном. Игорь поднялся и привычно разлёгся на своей развилке из ветвей. С того момента, как он её увидел, он старался не выпускать из вида неподвижный Шелл подруги. Алькина машина расположилась рядом со стволом, что само по себе было необычно. Игорь привык к тому, что подруга забиралась на развилку самых тонких ветвей над его головой. Покачивалась и угрожала и ему, и половине ресторана обрушиться всей своей громадой вниз. Угроза, конечно, была сомнительная, как ни крути, а строители дерева тоже не были дилетантами, но выглядело это страшновато. Сегодня розовая кошка заняла безопасное место. К тому же спиной к Игорю. Было в этом что-то противоестественное, даже жалкое. Что-то нарушающее обычную непринуждённость встречи. Внутренний терминал подруги тоже был непривычно недоступен.

Сделав несколько попыток подключиться и не получив согласия, Игорь заговорил в голос:

– Привет, Аль. Давно ждёшь?

– Привет, Игорёк, – Шеллом ответила подруга.

Повисла тишина.

– В душу пустишь?

Розовая кошка не отозвалась. Она сидела, разглядывая гуляющих по проспекту, и только развёрнутое в его сторону ухо подтверждало её участие в разговоре.

– Я где-то читала, что давным-давно на этой улице была оживлённая трасса. Странно, да? – Голос у Альбинки был такой, что Игоря захлестнула тоска и нежная жалость к этой замечательной женщине.

В мониторе его машины назойливо и раздражающе замаячило приглашение в ресторанное меню. Игорь отвлёкся на несколько секунд, подключая Шелл к лючку раздачи. Выбрал первое попавшееся блюдо, чтобы отвязаться и получить право на дальнейшее пребывание в кафе. За то время, которое он посвятил этим занятиям, ничего не изменилось. В его адрес не добавилось новых звуков, экран подруги по-прежнему оставался тёмным.

– Алька, что с тобой? – спросил он.

И снова тишина.

– Да разве со мной, Игорёк? – прошептала она и опять притихла, затаившись в своей скорлупе. – Игорь, можно я тебя попрошу?

– Конечно, Аль.

– Если мне когда-нибудь вдруг станет невыносимо и я захочу с тобой поговорить или встретиться, не отказывай мне. Ладно?

– Конечно, Аль.

– Да что ты заладил: «Конечно, конечно, Аль». – Игорь услышал, как её голос сорвался. Связь оборвалась.

Шелл девушки застыл розовым изваянием. Окаменела мимика, даже уши вернулись в позицию «по умолчанию».

– Аля, ну ты чего, ну? – Игорь растерялся. Он был слишком привязан к ней, слишком дорожил её дружбой, чтобы врать и выкручиваться. Но те же самые чувства не позволяли ему сказать ей правду. Не будь той встречи в «реальке», он даже, наверное, считал бы себя влюблённым в Альку. Но теперь Игорь не мог спутать. Он знал, что не сможет любить её так, как она заслуживает того. Что он мог сделать? Ничего. Поэтому сидел и ждал. Мучаясь и зная, что за этой розовой скорлупой плачет близкий для него человек. Он мог теперь понять и её чувства, и её боль. Но наш герой даже не догадывался, он не мог предположить раньше, что она любит его. Так они и сидели: рядом и каждый в себе. Сидели до заката. Наконец, в полной тишине, она грациозным движением перекинула гибкое розовое тело на соседнюю ветку и ушла. Так и не дав ему сказать успокоительных и примиряющих слов. Игорь смотрел ей вслед и понимал, что вместе с ней в темноту от него уходит весь её чудесный и озорной мир. Её шутки, её нежность, её мама. Искренние и честные разговоры обо всём, прогулки по лесу.

Сердце болезненно сжалось. «Ну вот, поздравляю. Теперь ты действительно один».

Саша

Саша выросла в лесу. Нет-нет, не подумайте, пожалуйста, что она была дикаркой. Её не воспитывали волки и тому подобное. Просто дом девушки стоял в лесу. Играть с белками или кормить подходящих к ограде оленей для неё было так же естественно, как для других ребят резаться в сетевые игры. Саша имела всё то, чего были лишены практически все остальные. Она могла носиться по траве босиком, купаться в прохладной воде маленького лесного озера, пользоваться Шеллом как обычной машиной и выходить из него, когда ей заблагорассудится, могла просто валяться на газоне или играть с любимой собакой – безмерно ласковым ретривером по имени Алéкса. Девушка была с детства окружена заботой. У родителей Сашенька была одна, и потому те в ней души не чаяли. Что уж говорить про стариков? Дедушки да бабушки могли бы от неё и не отходить совсем, позволь она им это.

Мир, в котором жила Саша, был параллельным тому миру, в котором мы уже путешествовали с тобой, читатель. Нет, не в фантастическом или мистическом смысле. Её от мира Шеллов не отделяло ни время, ни пространство. Ну, может быть, только несколько десятков километров, да несколько слишком узких туннелей со шлюзами на каждой стороне, да стена непроходимого леса. Таких семей, как у них, было немного. Сколько? Саша не знала. Родители не старались прибиться к остальным. Остальные, наверное, не старались прибиться друг к другу. Но в гости ездили регулярно. Помогали и заботились друг о друге.

Родители и их друзья были далеко не бедными людьми. Саша поняла это только повзрослев. До этого – не то чтобы не знала – её этот вопрос не беспокоил. Она просто жила в мире, где есть всё, чего бы ей ни захотелось. Вопрос о бедности или богатстве возник неожиданно. Саша, катаясь по Городу в своём социальном Шелле, вдруг увидела яркий, перламутровый «Леопард». Полностью металлический, без признаков синтетической шерсти. Вид этой машины был настолько жёсткий, что девочке в её юношеском нигилизме тоже захотелось иметь Шелл, который даже на вид не предполагал бы в свой адрес нежностей или сюсюканья. Приехав домой, Санька деликатно, как и полагается единственной и любимой дочке, вломилась с соответствующей просьбой к отцу. И встретила категоричный отказ. Явление было крайне необычным. Девочка, опять же деликатно, обратилась к папе с лёгкой разъяснительной истерикой. Папа неумолимо скрылся в библиотеке. Александра была особой настойчивой и через некоторое время, дав отцу возможность осознать ошибку, проветриться и обрести совесть, сменила тактику. Не меняя жертву и направление удара. Отец, как и большинство отцов, был мягкотел по отношению к дочери, но в данном случае проявил необычайную твёрдость. Чтобы хоть как-то

загасить конфликт, он усадил её в кресло и объяснил, что такие, как у неё, Шеллы, социальные с виду, но бронированные по всей конструкции и набитые электроникой чуть больше, чем когда-то космические корабли, выпускаются крайне редко. По специальным заказам и ограниченными партиями. А одна из их главных защитных характеристик – это их социальная внешность. Поскольку она уже девушка взрослая, то он не считает необходимым скрывать от неё тот факт, что её Шелл переделывать крайне нежелательно, так как люди, участвующие в любых работах по ремонту или переделке её Шелла или других таких же Шеллов, подлежат обязательной абсолютной изоляции. Что такое «обязательная абсолютная изоляция» Саша уточнять не решилась. И правильно сделала.

После разговора с отцом она не ленилась некоторое время встречать гостей у внешнего шлюза. Чтобы оценить Шеллы, на которых они приезжали к ним в дом. Приглядевшись, она поняла, что почти все как две капли воды похожи на её. Во всяком случае, снаружи.

Пожалуй, подобных ярких впечатлений, вызванных столкновением с чужой волей, в детском периоде было не так уж и много. По пальцам пересчитать. В остальном же текла тихая, благополучная жизнь. Но время шло. Время превращало девочку в девушку, и в какой-то момент жизнь Александры внезапно наполнилась событиями. Когда Саше стукнуло пятнадцать, мама познакомила её с будущим мужем. Эта неосторожность обошлась семье в несколько месяцев регулярных осложнений и долгих бесед, которые так или иначе сводились к двум темам: «Я никому и ничто не должна» и «Мы твои родители и знаем, как для тебя будет лучше. К тому же мы всем ему обязаны».

Саша будущего мужа стремительно и незаслуженно окрестила «неадекватным стариком». Потом сократила прозвище до устойчивой клички «Неадрик», причём не стеснялась называть его так и только так. Ума у неё при этом хватило не выносить за пределы семьи полной версии нового имени. Негодование просвещённых родителей было бурным, но в конце концов к кличке все привыкли. Даже мама порой, под уничижительным взглядом отца, называла будущего зятя так. Жених был действительно старше Саши лет на двадцать, но выглядел молодо и спортивно. Глядя на то, как его встречает отец, можно было понять, что даже в их элитном обществе он заслуживает особого почтения.

Где-то годам к восемнадцати жизнь у Саньки стала совсем сложной. Возраст подошёл. Досадные, абстрактные планы стали обрисовываться в датах и цифрах.

Первую свадьбу готовили с пафосом и размахом. В лесу вырубил поляну и организовали небольшую скалу с водопадом. Платье шили раз пять – пока мать не получила нужного результата. А уж про меню на стол вообще говорить не стоит.

Саша просто не пришла.

В дальнейшем подобные мероприятия назначались чуть ли не через месяц, но каждый раз ценой невероятных усилий и ухищрений невесте удавалось сдвинуть событие ещё на один срок. Способы, которыми Саша этого добивалась, были каждый раз разными, но то, как они усложнялись, пугало не только родителей, но уже и её саму. Неадрик переносил текучесть планов поражающе флегматично. С бесконечным терпением и юмором. Человек он был незаурядный и ценил незаурядность во всём, а уж тем более в своей избраннице. Так и наладилось у них сложное и опасное соревнование в упорстве и изворотливости. И длилось это состязание без малого одиннадцать лет.

На домашнем укладе и отношениях с родителями это не могло не сказаться. Первый год прошёл в увещеваниях. Второй – в непрерывных ссорах. На третий год мать (во внутренних разборках) заняла позицию дочери. К концу седьмого, оглядевшись и не найдя альтернативы, женщина поняла, что может остаться без внуков, и переметнулась на сторону зятя. После этого, потеряв последнего союзника, Саша ушла в глухую оппозицию.

Эмоциональная изоляция могла длиться бесконечно, однако случилось то, чего Саша не могла предусмотреть.

Единственный город

Игорь с головой погрузился в работу. Он цеплял на себя всё больше и больше заданий, сократил время на обед и ужин, и вообще старался жить без пауз. «Реалька» стала его вторым домом. Это не прошло незамеченным в системе. Ему стали постоянно валиться письма с рекламой психологических тренингов и экстремальных курсов. Программы знакомства просто не сходили с экрана. В чат то и дело добавлялись новые собеседницы. Дошло до того, что из его плэй-листов незаметно пропала слишком грустная и слишком агрессивная музыка. Предлагаемые к просмотру фильмы стали сплошь комедийного характера.

Устоявшийся новый режим почти не давал повода для мыслей. Вот и сейчас он увлёкся работой и не заметил, как день подошёл к концу. Вспомнилось, что уже почти месяц не видел Альбинку. Рука потянулась к терминалу, зависла над кнопкой вызова и вернулась обратно. Он не знал, о чём говорить, да и времени уже не оставалось.

– Лич, включи холодный душ, – попросил Игорь, обращаясь к Шеллу по имени. Он давно уже не делал этого. Язык не поворачивался в последнее время. Стоило ему отдать приказ, как с трёх сторон в него вонзились иглы ледяных струй. Дыхание перехватило. Когда первый шок от холода сошёл, тело начало наливаться силой.

– Всё, выключай. Массаж и просушку дай. Массаж хардовый. Сколько до лекции?

– Четыре минуты тридцать секунд, – ответила машина.

В назначенное время Шелл сам активировал терминал. Как-то сразу, минуя тёмные аудитории и мультяшное оформление, Игорь провалился в сон. В бесконечность.

Он вдруг осознал себя зависшим над Землёй. Планета с этой высоты казалась голубым шариком размером с баскетбольный мяч. Игорь чувствовал, что он здесь не один. Как и в прошлые разы, зрение и слух оказались бессильными, но он явственно различал других сокурсников и их настроение. В группе царил восторг.

С некоторого времени, без объяснения причин, Профессор ограничил их полёты. Чаше пичкал лекциями по истории да забавными снами. И хотя их редкие вылеты всегда сопровождались бурей эмоций, они ни разу не достигали такой высоты, как сейчас. В нашем герое всё бурлило. Так случалось, когда эмоции его товарищей резонировали на одной с ним волне. Он чувствовал в себе нарастающий в них восторг и, не скупясь, делился своим.

– Не хотелось тратить время на сборы, – донёсся до них голос Профессора. – Опять разлетитесь, словно мошкара. Так что, все здесь? Поехали.

И снова пространство сплющилось, как поролон под прессом. Ни ощущения ветра, ни шума, но каким-то особым чутьём – чувство Скорости. Ни с чем не сравнимой Скорости. Они достигли атмосферы за доли секунды. Прямо над облаками размерность пространства и времени восстановились. Не долетев сотни метров до земли, группа почти остановилась. С такой высоты можно было видеть макушки елей и их несинхронное покачивание. Лес простирался во все стороны. Необозримый, величественный. Группа, следуя за полётом Учителя, нырнула в чашу.

То был самый настоящий дремучий ельник. Не окультуренные ряды деревьев с фонариками, не парк. Группа влетела из солнечного дня в темноту непроходимого леса. Струи света, словно струны какого-то инструмента, звенели настроением дня, пребывали в постоянном движении. Они секлись, пропадали в одном месте и появлялись в другом. Их музыка стелилась поверх тишины вековых елей. Бестелесные сущности учеников неслись сквозь неё, сквозь ветви, сквозь пряди света. Лес дышал, он провожал полёт скрипом качающихся стволов, шуршанием падающих ветвей, звонкими ударами дятла. Фиолетовый скат, идущий во главе группы, лёг на правое крыло и развернул процессию в сторону видневшегося просвета.

Солнце вспыхнуло, открывая пёстрый, цветущий луг. Его простор и берёзовая роща на противоположной стороне поляны были живыми. Свет играл здесь совершенно иную музыку. Ему аккомпанировал со всех сторон и свист, и треск, и сверчание. Увязая в этом звонком потоке жизни, группа стала рассеиваться. Ученики останавливались, забывали о других. Пытались понять суть этого шума. И, поверьте мне, это было несложно. Вокруг них, вокруг бестелесных душ, суетились в своей повседневной жизни мириады тех, кто создавал эту какофонию. Свистели и перелетали птицы, белки, по своему обыкновению, от чего-то спешно убегали и что-то срочно искали. Души были невидимы, но не было никакого сомнения, что звери чувствуют их и не боятся. Когда Игорь пришёл в себя, он приблизился к Учителю.

– Что это?! Где мы?! – Игорь выдал столько удивления и восхищения, что бок ската вспыхнул малиновыми переливами.

– Лес. Просто лес. И в общем-то, недалеко от дома. Километрах в трёхстах, а то и того меньше, – ответил Учитель.

Игорь чувствовал, что ему нравится смотреть на восторг ребят. Он был расположен и отвечать, и рассказывать.

– Но ведь этого нет ни в сети, ни на картах. Я никогда в жизни об этом не слышал.

– Кому это надо – рассказывать? – от Профессора исходили расслабленность и благодушие. – Люди научились добывать энергию и производить пищу, не отходя от дома. Уже лет триста как. Странствовать в поисках еды и сырья нужда отпала. Надобывали в прошлые века предостаточно. Да и от Города отойти стало непросто: всё рассчитано на «здесь и сейчас». Система отлажена так, что поесть и попить всегда есть, но про запас не возьмёшь. Захотел – ешь, а складировать некуда и незачем. Уж если честно – так и не даст никто. Ибо баланс нарушать нельзя. Далеко ты уйдёшь без воды и еды? Не было такого желания? Вот то-то и оно. Да и Шелл твой не настолько энергонезависимый.

Игорь вспомнил, как они с друзьями решили однажды совершить пробежку за Город. Скорости у их Шеллов хватило ненадолго. Довольно быстро они перешли на режим экономии. Каждые сто метров начали докладывать «сколько пройдёт да сколько до заправки останется». Из впечатлений о том путешествии немного осталось. Запомнилось, что не было там ничего интересного: предприятия да предприятия.

– Когда-то, – продолжал Профессор, – люди здесь всё изрядно замусорили. Потом всё изменилось. Виртуальный мир оказался и чище, и интереснее. По моим подсчётам, уже лет сто прошло, как умер последний, кто здесь бывал.

– И никто не захотел увидеть больше? – усомнился Игорь.

– Больше можно и в Городе увидеть. Система настроена прокачивать внутренний городской туризм. Для особо рискованных есть шанс попасть в лабиринт центральных улиц.

– А как же другие города? Как оттуда к нам люди приезжают?

– Нет никаких других городов. Всё это только в виртуальном мире. Город – пятно цивилизации среди океана первозданной природы. И всё. Кейптаун ещё держался дольше других, да тоже не уцелел.

Профессор выдавал информацию с неподдельным удовольствием. Ученики подтянулись к Учителю и застыли, переваривая картину, не совпадающую с той, которой их учили. Сказанное казалось им чем-то жутким и надуманным. От этого весёлые тона в повествовании Профессора были особенно непонятными. Наконец один из слушателей не выдержал.

– А в чём радость, Профессор? – в словах его звучала нескрываемая обида и вызов.

Ответ не заставил себя ждать. Учитель обдал их потоком того, как видел и прочувствовал сам. На ребят выплеснулась картина событий времён давно минувших. Знания пришли волной, закрутили и перевернули всё прижившееся. Смяли и снесли былое, словно никчёмный мусор. В этом потоке Игорь видел чудную жизнь, принимал чувства. Ему являлся крах миров, построенных на чистом Разуме. Миры логичные и выверенные, миры, структурированные до

последней детали, рушились, изжив себя. То, что когда-то держалось на непредсказуемых удовольствиях жизни, на радостях открытий, на риске, порождаемом неизвестностью, рухнуло, лишившись этого. Игорь как своё понимал облегчение душ, уставших тащить тело по рельсам жёстко определённых законов. Он сопереживал радости людей, расстающихся с телами. Он соглашался с их отказом начинать новую Игру, ибо в мире эмоциональной дистрофии смысла в ней не было.

Игорь словно бы пережил десяток чужих жизней в режиме ускоренной съёмки. Был и опытным игроком, и молодой душой, которая по неопытности ввязалась в первую партию и отказалась от повторной. Правила Игры стали скудными. Люди материальные в погоне за стабильностью и защищённостью создали мир, в котором можно было плыть на автопилоте. Кормить своё тело, ублажать слух и зрение. Но жизнь потеряла былой интерес. Она ушла в виртуальность. В среду, где не было того, чем славилась первозданная, настоящая Игра. Там не было полного забвения прошлого. Именно оно порождало страх. Только оно творило чувство ответственности за свои поступки и ошибки. Восприятие смерти и конечности бытия были самой серьёзной причиной играть в полную силу. Виртуальные игры, созданные человеком телесным, не смогли дать той реальности и того риска, которыми одаривалась душа, входящая в тело.

Глупо творить Игру, которая на самом высоком уровне ограничивает игрока чем-то, похожим на банальный пасьянс. Начинать, зная, что кроме этого пасьянса больше ничего и не будет, – неразумно. Примерно так и чувствовали себя души, которым предстояло вступить в Жизнь ещё раз. И они от неё отказывались. Они соглашались играть короткие и более простые жизни. В любом теле: белки, кролика, медведя, но не в теле человека. Играли там, где есть Свобода к Поступку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.